

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЕГІН

ПРАВЕДНИК

КРЕСТОМ И СТВОЛОМ

ПРАВЕДНЫЙ ДЕТЕКТИВ -
ВЕРОЙ И СИЛОЙ

Праведник

Михаил Серегин

Крестом и стволом

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Крестом и стволом / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Праведник)

Спецназовцы бывшими не бывают. Это утверждение священник Василий подтвердил на своем опыте, когда ему пришлось противостоять бандитам, коррумпированным силовикам и чекистам.

Содержание

Михаил Серегин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Серегин

Крестом и стволом

Когда слух о смерти Парфена еще только пошел гулять по Усть-Кудеяру, никто в него особенно не поверил. Нет, передавали это странное и вроде бы как отрадное известие охотно: в очередях у билетных касс автовокзала, в пивных и парикмахерских, в здании райсовета и на причале – везде говорили об одном и том же. И все-таки внутри у всех свербило: не может такого быть... Больше десяти лет Парфен вместе со своими головорезами «держал» и рынок, и автобазу, и, как поговаривали, даже часть пароходства. А в том, что половина ментовки день и ночь пашет не на закон, а на все того же Парфена, никто, в общем, не сомневался.

Поначалу в народе говорили, что на Парфена устроили засаду бойцы из подмосковной группировки, когда тот парился в бане. Они якобы и убили местного бандита, причем изрешетили в дуршлаг, хоть лапшу отбрасывай. Но всякий мало-мальски сведущий в таких делах человек сразу мог уверенно сказать: все это ложь, не было никогда у Парфена проблем с москвичами, дела общие были, а проблем – нет, и жили они дружно, можно сказать, душа в душу.

Позже родился слухок о странной погоне на тольяттинской трассе, но сказать, что там произошло, в точности никто не брался... вроде как Парфен погнался за кем-то из самых злостных неплательщиков. Но и это была полная галиматья. Предположить, что Парфен станет лично мчаться за кем-то по скользкой от проливного дождя ночной дороге, мог только полный недоумок. Хотя... разве что из спортивного интереса? Любовь Парфена к острым ощущениям была общеизвестна.

И только на третий день брожение умов отважно перенаправил «Вестник Усть-Кудеяра», разместивший короткое интервью начальника местного ГИБДД. Иракий Константинович официально опроверг всякие слухи о стрельбе и сообщил, что дорожно-транспортное происшествие, в результате которого скончался известный усть-кудеярский предприниматель Александр Иванович Парфенов, произошло по вине погибшего в той же аварии водителя бензовоза АТП-2, воспрепятствовавшего обгону.

Но и эта версия, положив руку на сердце, была далеко не безупречна. Всякий интересующийся общественной жизнью устькудеярец скажет вам, что АТП-2 принадлежит, а точнее, принадлежало Парфену, царствие ему небесное. И предположить, что водитель не уступил дорогу огромному, как танк, известному на всю область джипу своего хозяина... Не бывает такого.

И уж совсем в узком кругу знали, что в той страшной аварии погибли не только Парфен, его бессменный телохранитель по кличке Лысый и водитель бензовоза. Потому что четвертое тело сразу увезли в областной центр, а оттуда самолетом в Москву. Но это устькудеярцев уже ни в малой степени не касалось.

* * *

Как раз на третий день после этого трагического происшествия, сразу после утренней службы, к усть-кудеярскому священнику отцу Василию подошли трое. Непростая биография парней была впечатана в их лица крупными, резкими штрихами.

– Ты, что ли, здешний поп будешь? – спросил один, помеченный рваным косым шрамом через правый глаз.

– Слушаю вас, молодые люди, – кивнул отец Василий, быстро оглядев «гостей».

– Вот тебе, отец, бабки, – полез в карман меченый. – Нам сегодня друга отпеть надо.

Отец Василий кивнул. Надо так надо.

– Только смотри, чтоб все было тики-так, – угрюмо предупредил меченый и вложил священнику в руку пачку новеньких сотенных купюр. – Большого человека хороним. Везешь?

– Никак раба божьего Александра? – подчеркнуто вежливо поинтересовался отец Василий.

– Ты за базаром следи, поп! – повысил тон меченый. – Какой он тебе раб?! Самого Парфена хороним, дурилка ты картонная! Короче, в три начинаем, чтобы в два был. Вот тебе адрес. Понял?

Отец Василий с трудом подавил в себе гнев. Такого хамства в храме божьем даже покойный Парфен себе не позволял.

– А теперь ты послушай меня, дитя мое, – тихо произнес он. – Адрес Александра Ивановича мне известен, так что писульку свою заberi. Отпевание начнется ровно в пять и ни минутой раньше. И деньгами своими здесь не трясси, а отнеси в бухгалтерию, там тебе квитанцию выпишут. Ты меня понял?

Меченый заиграл желваками, он к такому обращению явно не привык. Вперился тяжелым, немигающим взглядом в ясные, спокойные глаза попа, долго, секунд пятнадцать смотрел в них и неожиданно для себя кивнул.

– Где ваша бухгалтерия? – только и спросил он.

Отец Василий объяснил, проводил гостей взглядом и вздохнул. Двое суток подряд ему лично пришлось час за часом объяснять следователям, сначала местным, а затем и москвичам, как все произошло. Так получилось, что живых свидетелей той страшной трагедии на тольяттинской трассе осталось всего двое: он да водитель приватизированного шесть лет назад «зилка» Анатолий Рубцов.

Но, по сравнению с самим фактом гибели Парфена, ничто не имело почти никакого значения: ни причина смерти, какой бы глупой она ни была, ни показания свидетелей. В прошлое одним огромным куском отвалилась и ушла целая эпоха – эпоха. «Король умер!» – голосом главного местного печатного органа провозгласили уполномоченные на это официальные лица, и сразу же стало ясно, что обратив приветственное «Да здравствует король!» просто не к кому, потому что всех потенциальных преемников Парфен извел еще при жизни, можно сказать, собственноручно.

Отец Василий вышел из храма и глянул в небо. Дождь прекратился, но установившаяся несколько дней назад холодная, мерзкая и совсем не августовская погода так и донимала окончательно продрогших устькудеярцев. Из подсобки, в которой размещалась храмовая бухгалтерия, вышла троица недавних «гостей». Один искоса глянул в сторону священника, и все трое направились в центральные ворота, за которыми их ждали две сверкающие черной эмалью и серебристым никелем машины: классический «шестисотый» и, кажется, «Рэйджер».

«И эти не местные, – цокнул языком священник. – Понавалило вас!» Вот уже третий день, как Усть-Кудеяр переживал наплыв чужаков, и чем дальше, тем их становилось больше. Откуда они узнавали о гибели Парфена? Порой отцу Василию казалось, что вся криминальная Россия собралась почтить память до срока умершего местного мафиози. По крайней мере, обряд отпевания ему заказали уже в шестой раз.

Сначала священник пытался честно объяснить настырным парням, что все давно и многократно оплачено, и отпевание состоится, как и договорено, ровно в пять. Но заказчики все шли и шли, платили и платили, а всякую попытку не принять деньги воспринимали как личное оскорбление. Эти, последние, и вовсе решили, что они здесь самые главные... чуть до греха, засранцы, не довели! Отец Василий перекрестился. Больше всего на свете священник хотел, чтобы Парфена поскорее предали земле и этот бесконечный и суматошный день наконец завершился. Вместе со своим дождем, холодом, похоронами и всей этой расфуфыренной братвой! Он так хотел поскорее попасть в свой, пусть и недостроенный, но уже такой уютный

дом, в царство любви и тепла, где правит милая супруга Олюшка и пахнет свежеструганными сосновыми досками, молоком и сдобой.

* * *

Без пяти минут пять отец Василий вместе с диаконом Алексием уже подъезжали к дому Александра Ивановича Парфенова. Бело-розовый трехэтажный особняк с башнями, колоннами и, само собой, с видом на Волгу почему-то сиял электричеством, сквер напротив был превращен в стоянку для «Мерседесов», а к парадной лестнице, казалось, невозможно пробиться сквозь строй плечистых и скуластых парней в черном.

«Обслуга, – догадался священник. – Главные персоны внутри, у гроба...» Он решительно протолкался сквозь братву и вошел в дом.

Огромный зал с шестиметровой высоты потолками и узорным паркетным полом был заполнен почти весь. Мужчины в дорогих черных костюмах с достоинством подходили к черному полированному гробу и затем так же неторопливо отходили, уступая место следующим. Отец Василий всмотрелся и почти сразу обнаружил единственных женщин во всем зале: сестру и мать Парфена, выглядевших среди этой роскоши чужеродно и даже нелепо. Глаза женщин были сухи, а в лицах отчетливо читалась странная смесь испуга и недоумения, словно лежащее перед ними тело никогда не принадлежало самому близкому для них человеку.

Когда отец Василий понял, что собственной воли ближайших родственников не хватает даже на то, чтобы подойти к батюшке, он решительно раздвинул широкими плечами стоящую ближе остальных к гробу элиту, кивнул диакону и взял инициативу в свои руки.

И по мере того как читались каноны и стихиры, Апостол и Евангелие, люди в зале притихали. Наступало главное событие дня. Неизвестно, знали они это или нет, понимали или не до конца, но еще не минет и суток, как раб божий Александр вступит на тяжкую для каждой души дорогу загробных мытарств, и тогда ни одно злодеяние не останется незамеченным, ни одна молитва во спасение – лишней.

Едва отец Василий завершил чтение разрешительной молитвы, подкованная в деле отпевания своих соратников братва подтянулась поближе, подхватила гроб и под пение трисвятого понесла его к выходу.

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас! – внушительным баритоном пропел священник, и упакованные по последнему писку мужики истоиво закрестились. «Проняло! – неожиданно мелькнула у отца Василия неуместная в такой ситуации, насквозь крамольная мысль. – Чуют свою грядущую участь!»

А в тот самый момент, когда они пересекли порог, солнце внезапно пробило тучи и осветило маленький кусочек поволжской земли со странным названием Усть-Кудеяр. И это было только начало. Как только огромный кортеж, тревожно сигналив, въехал в поселок и двинулся через центр на кладбище, природа словно сошла с ума. Стремительно полетели по небу тучи, засверкала тысячами солнечных брызг волжская вода, а небо в считанные минуты из блеклого и сырого стало ярким и невероятно, пронзительно синим. И сразу же зазеленела листва, сквозь приоткрытое боковое стекло старенького поповского «жигуленка» ударило в ноздри ароматом травы и цветов, а ветер принес какую-то новую, уже осеннюю свежесть. И притихший было Усть-Кудеяр словно встрепенулся, словно очнулся от противоестественной скорби. Радостно, истошными голосами заорали на деревьях галки, закрипели по дворам выкрашенные в пожарный цвет качели, а на пятом или шестом по счету наглухо перекрытом гаишниками по случаю похорон перекрестке какой-то битый-перебитый «Запорожец», нагло выкрашенный явно украденной где-то дорогой серебристой краской, присоединил свой плебейский голос к скорбному реву джипов и «Мерседесов», и над улицами пронесся жизнеутверждающий латиноамериканский мотивчик:

«Я Кукарач-ча, я Кукарач-ча! А я ч-черный таракан!»

От неожиданности отец Василий чуть не врезался в резко затормозивший перед ним микроавтобус, но, видно, там, впереди, все-таки решили, что в этот день никого «мочить» не станут, и приостановившаяся на несколько секунд колонна снова тронулась и пошла, машина за машиной.

Но самое яркое впечатление оставили у священника последние минуты похорон. Потому что, когда последняя лопата земли была брошена на могильный холм, на кладбище налетела огромная разбойная стая воробьев, устроившая жуткий, совершенно непристойный базар, и только прощальный салют заставил стаю, возмущенно вопя, удалиться.

Таким и запомнился этот день отцу Василию – яростным, ярким и до самой последней своей минуты противоречивым.

* * *

На следующее утро Усть-Кудеяр проснулся свободным. И нищим. Потому что разом прекратилось возведение ангаров и строительство новой, принадлежавшей Парфену заправки на тольяттинской трассе. Приостановили заказы давние и, казалось, такие надежные партнеры АТП-2. Притормозили выдачу авансов даже немногочисленным штатным работникам речного порта. И сотни людей осознали, что их относительное материальное благополучие закончилось вместе с окончанием земного пути главного бандита поселка.

Но священника это ни в малой степени не касалось. Он вышел на крыльцо своего недостроенного дома, полной грудью вдохнул свежий, резкий воздух, потянулся так, что затрещали суставы, и, подобрав полы рясы, по-молодецки, через три ступеньки спрыгнул на уже начавшую подсыхать землю.

Это раннее августовское утро было удивительно красивым. Справа, за оврагом, легонько качали тяжелыми кронами высоченные тополя, а у дороги слева белели стволами березки. Ласково отогревало настывшую за неделю сплошных дождей землю неяркое солнце.

Отец Василий вышел на трассу, поздоровался с уже начавшим разжигать свой мангал шашлычником Анзором, от всего сердца благословил продавщицу Веру и пошел вдоль длинного ряда заночевавших на усть-кудеярской стоянке грузовиков. Он здоровался со знакомыми шоферами, приветливо кивал незнакомым, радуясь тому, что господь дал ему еще один день для трудов на этой земле.

– Отец Василий! Батюшка! Подождите! – услышал он позади знакомый голос и обернулся. Это был Толян.

– Здравствуй, Анатолий!

– Ну как, батюшка, менты вас больше не дергают? – подбежав поближе, поинтересовался шофер.

– Покамест бог милует, – кивнул священник. – Вчера вроде как последний допрос был... А что, у тебя проблемы?

Толян, он же Анатолий Рубцов, и был вторым, кроме отца Василия, оставшимся в живых свидетелем жуткой аварии на тольяттинской трассе.

– Они мне хотели дело пришить, мол, подрезал... Прикиньте, что творят, гады!

Отец Василий с пониманием закивал.

– Но сейчас вроде отстали.

Толян заглядывал священнику в глаза, явно ища поддержки, и отец Василий подумал, что не сведущему в юридических тонкостях водителю наверняка пришлось в милиции нелегко. Вон их сколько по зонам таких работяг сидит – поди, каждый пятый!

– Слышали, что в народе говорят? – внезапно перешел на шепот водитель.

– Кое-что слышал, – сдержанно кивнул отец Василий. Он не любил участвовать в сплетнях.

– Говорят, – не обращая внимания на его реакцию, продолжил Толян, – что у Парфена-то бабок и нет!

– То есть как? – не понял священник.

– А вот так! – прищурил глаза Толян. – Он же все платежи черным налом гнал, а теперь, когда сдох, никто ничего и понять не может. Вон, ребята из АТП чего говорят: бабок нет, бухгалтерша в шоке, директор в кабинете закрылся и никого не пускает, зарплату, говорят, и не ждите... Видал, чо делают?!

Отец Василий недоверчиво покачал головой. В то, что у Парфена не было денег, он не верил. Другой вопрос, что «черная бухгалтерия» поставила весь учет с ног на голову, и теперь, чтобы восстановить нормальный финансовый оборот, понадобится время. Правда, от этого работникам некогда скупленных самым богатым бизнесменом Усть-Кудеяра предприятий было не легче.

Священник вежливо, вполуха дослушал все, что хотел сказать ему Толян, и раскланялся. Ему еще предстоял насыщенный трудовой день.

* * *

А тем же вечером домой священнику позвонил Костя.

– Привет, Мишаня! – жизнерадостно назвал священника мирским именем главврач районной больницы.

– Привет, Константин.

– Ты чего не заходишь?

– А то мне делать больше нечего, кроме как с тобой спирт хлестать, – усмехнулся отец Василий.

– Не-е, хватит... никакого спирта! – решительно отрезал главврач. – А то это дело до добра не доведет!

– Вот и я о том же, – рассмеялся священник.

– Слышь, Мишаня, заезжай! Честное слово, никаких возлияний, посидим, поokaем... давай-давай, что ты в самом деле! Что мы, не свои пацаны, что ли?!

Отец Василий хмыкнул и глянул на жену, а потом на часы. Была половина двенадцатого ночи. Костя, как всегда, в своем репертуаре.

– Кто это? – насторожилась Ольга.

– Костя, – прикрыв трубку ладонью, сообщил отец Василий и увидел, как дурашливо закатила Олюшка глаза.

– Скажи ему, что он меня достал, – обреченно покачала головой супруга.

– Приезжай, – никак не мог уговорить Костя. – Посидим, чаю попьем. Давай, друг! Или Ольга не пускает? Чего она говорит?

– Она говорит, съезди, пообщайся, – улыбнулся отец Василий, положил трубку и подошел к жене. – Я на часик.

– Знаю я твой часик, – недоверчиво скосила глаза супруга, но щечку для поцелуя подставила. – Не задерживайся там, ему-то ничего, хоть вообще на работу не выходи, а у тебя служба.

– Я помню, – благодарно кивнул отец Василий. – Ты бы тоже дома не сидела. Вон, к Вере сходи поболтай или просто прогуляйся да свежим воздухом подыши. Идет?

Жена пожала плечами.

* * *

Через пятнадцать минут он уже подъезжал к третьему корпусу районной больницы. Костины окна на втором этаже сияли иллюминацией. Отец Василий прошел в высоченные двери, поднялся по свежеекрашенной широченной деревянной лестнице наверх и подошел к знакомому кабинету.

– Мишаня! – кинулся к нему главврач. – Ты хоть знаешь, что в городе происходит?!

– Что? – улыбнулся священник. – Фургон украли?

– Ты не смейся! Ко мне сегодня двух парфеновцев привезли! С пулевыми ранениями!

– Эка невидаль! – покачал головой отец Василий. – Вот если бы они к тебе с дистрофией поступили, а то подумаешь, дырка в брюхе! Да для них пробоину в борту получить – все равно что тебе ее заштопать. Работа такая!

Они сели за огромный стол главного врача, налили крепчайшего чаю, и вскоре священник был вынужден признать, что события в Усть-Кудеяре происходят интереснейшие.

Вместе со смертью Парфена рухнула не только гигантская финансовая система, развалилась и строившаяся несколько лет структура единоличной власти. И первыми жертвами этого развала стали два парфеновских «инкассатора», по привычке или недомыслию пошедшие обирать свою обычную клиентуру.

Им не везло прямо с утра. Хозяин небольшого магазинчика на самой окраине Усть-Кудеяра решительно послал их на три советские буквы, а когда бойцы решили немного поучить вконец оборзевшего «быка», тот вытащил из-под прилавка обрез и всадил каждому по заряду крупной дробы в живот.

Конечно, мужик не подумал, что делает. И конечно же, теперь, сидя в местном изоляторе, он горько жалеет, что дал волю нервам. Но и Костя, и отец Василий прекрасно понимали, что это только начало. Как сообщили главврачу его «информированные источники», почти весь город так или иначе отказывается иметь дело с парфеновскими людьми. И тому было простое, можно сказать, примитивное объяснение. Парфен сам, лично устранил в своей команде всех, хоть сколько-нибудь способных на самостоятельные действия. Остались только «шестерки». И когда лидер погиб, в городе не оказалось никого, кто имел бы моральное право и достаточно силы духа, чтобы занять его место.

– Прикинь, Мишаня! – восторженно хихикал Костя. – Самарские парфеновцам предъявили! Московские предъявили! Тольяттинские предъявили!

– А ты почему знаешь? – засомневался священник.

– Да это уже половина Усть-Кудеяра знает! А главное, знаешь что?! Никто из местных ничего на себя брать не хочет! Прикинь?!

Вот это действительно была новость! Нет, с одной стороны, понять местную братву было можно. Мало ли каких долгов мог понаделать Парфен? И как им расплатиться, если Парфен все лично в руках держал, никого к деньгам не подпускал? Да и с какой стати им за него отвечать? Но с другой стороны, ситуация, когда прекрасный большой поселок на перекрестке дорог оказался совершенно бесхозным, была по нынешним временам какой-то противоестественной.

– И знаешь, о чем я теперь думаю, Мишаня? – спросил напоследок главврач.

– О чем?

– Где парфеновские бабки? Сечешь?

Отец Василий задумался. Не то чтобы его так уж интересовало, где бандитские деньги, но вот последствия их пропажи представлялись ему весьма паршивыми. Те же самарцы да москвичи реально-то деньги под честное парфеновское имя давали, но записано-то, поди, все на то же АТП-2 да на пароходство, а значит, с них и выдаивать будут!

Он вспомнил утренний разговор с Толяном и понял, что недооценил уровень опасности для простых усть-кудеярских работяг. Потому что, даже если предположить, что те, кто «предъявил» парфеновцам, всех своих денег назад не получают, они все равно отыграются на реальных предприятиях, имевших несчастье попасть под Парфена! Глядишь, остановится и замрет вся экономическая жизнь райцентра! И вот это уже коснется всех.

- Ничего себе перспективка! – вздохнул пальцами черную кудлатую голову поп.
- А я тебе что говорил?! – победоносно глянул на него главврач. – По маленькой?
- Бог с тобой, совратитель, наливай!

* * *

Домой отец Василий пришел в два часа ночи. Он брел по ведущей от трассы к дому грунтовке, мурлыча под нос что-то бесконечно мирское и жизнеутверждающее, когда понял, что в доме что-то не так. Все окна светились. Он ускорил шаг, почти бегом достиг двора, взлетел на крыльцо и толкнул дверь.

Ольга сидела в зале на полу и, шмыгая носом, перебирала их общие фотографии. Вокруг словно пронесся ураган. Вывернутые из ящиков прямо на пол вещи разноцветным ковром покрывали все вокруг, посуда была выставлена из шкафов, и даже его инструменты для работы по дереву, вместо того чтобы лежать на самой верхней полке стеллажа, сиротливо валялись в прихожей.

– Господи боже мой! – моментально протрезвев, прошептал он. – Олюшка! Что случилось?

– Не знаю, Миша, – всхлинула жена. – Я от Веры пришла, а тут все... – она разрыдалась.

Отец Василий подошел к жене, сел напротив и прижал ее русую головку к своей широкой груди. В голове у него промелькнули события дня и многочисленные бандитские рожи, виденные на похоронах. Нет, это вряд ли они. Публика в Усть-Кудеяре собралась серьезная, и бандиты приехали вовсе не за тем, чтобы рыться в личных вещах местного священника.

«Кому это понадобилось? – думал он. – Господи! Спасибо тебе, что Олюшки дома не было! Еще не хватало, чтобы они ее напугали!» Судя по ярости, с какой неизвестные расшвыривали по дому вещи, они бы не остановились ни перед чем. Он дождался, пока жена успокоится, и принялся помогать ей заново укладывать носки и майки по ящикам и расставлять посуду по шкафам.

* * *

Они провозились до пяти утра, но не управились, так что спать отцу Василию не пришлось и на службу он отправился измотанным и притихшим от душевного перенапряжения. Но их личная беда оказалась настолько мизерной по сравнению со внезапно обрушившимися на поселок проблемами, что ни он, ни Ольга более к ее обсуждению не возвращались.

Прямо с утра события в Усть-Кудеяре начали развиваться словно в кошмарном сне. Из области, как снег на голову, свалились представители двух крупнейших банков, и оторопевшие устькудеярцы узнали, что ни АТП-2, ни пароходство, ни даже недостроенная заправка в последнее время как бы Парфену и не принадлежали. Все восемнадцать крупных и мелких абсолютно рентабельных бандитских предприятий были заложены под солидные валютные кредиты. Сведущие люди говорили, что срок их возврата еще не истек, но смерть Парфена подстегнула кредиторов, и теперь за будущее предприятий никто бы не поручился. Но зачем кредиты понадобились Парфену, не понимали даже сведущие люди. Благо он бы еще за рубеж дернул! Так ведь нет, все говорило о том, что он, напротив, собирался укреплять свое положение в Усть-Кудеяре. Но все эти размышления никому не помогали, и разом лишившиеся

работы и уверенности в будущем устькудеярцы с ужасом ожидали, какой еще сюрприз преподнесет им очередной день.

Огромные черные машины с иногородними номерами покрутились пару суток по поселку, но даже им ловить здесь было нечего – «крыша» у банков была «правильная» и нигде «не текла». А куда делись денежки, сказать мог разве что покойный... Но он молчал.

* * *

В один из таких суматошных дней и появилась в храме симпатичная, определенно нездешняя прихожанка. Она терпеливо отстояла службу и, дождавшись, когда отец Василий завершит беседу с обступившими его со своими проблемами местными старушками, подошла.

– Отец Василий?

– Слушаю тебя, чадо, – благодушно улыбнулся ей священник. Такой красоты он не видел в Усть-Кудеяре давно.

– Можно с вами поговорить? – тревожно, так, словно в храме божием ей что-то могло угрожать, огляделась по сторонам дама. Не просто женщина, а именно дама, определил для себя отец Василий.

– Разумеется, – кивнул он. – Пройдемте в беседку, нас там никто не потревожит.

Они вышли из храма, направились в заросшую вьюном деревянную беседку во дворе и присели на гладкую, недавно покрашенную скамью.

– У меня пропал сын, – сделала глотательное движение дама. – И я пришла к вам за помощью.

Священник растерялся. К нему часто приходили со своими бедами, но такое он слышал впервые.

– Извините, я не представилась, – отерла белым кружевным платочком подступившую слезу дама. – Елена Витальевна Соловьева.

– Извините, Елена Витальевна, а чем я мог бы вам помочь? – спросил священник, ощущая, как сердце наполняется состраданием.

– Это вы меня извините, – покачала головой дама. – Я не объяснила... Дело в том, что я – бывшая жена небезызвестного Александра Парфенова. Вы позволите, я закурю?

«Вот это номер!» – охнул про себя отец Василий. Он и представить не мог, чтобы у этого мужлана могла быть такая милая и, по всему видно, интеллигентная жена.

– Да-да, конечно, – растерянно закивал он.

– Понимаете, батюшка, – нервно затянулась дама. – Я вышла за Сашу совсем еще молодой, глупой. Господи, я и понятия не имела, чем он занимается! А когда поняла, Женя уже родился...

Отец Василий слушал и кивал, все более проникаясь искренним восхищением. Каждый жест, каждая гримаска этой женщины были столь утонченными, столь наполненными движениями ее души, что не залюбоваться было невозможно.

– Когда я решила уйти, – ее голос погрузился и стал низким, вибрирующим, – Парфенов поставил условие: мне квартира в городе и все, что в ней, но Женю, нашего сына, он забирает...

– Позвольте! – удивился отец Василий. – Парфена, то есть Александра Ивановича я знал много лет, но не помню, чтобы кто-нибудь говорил, что у него есть сын!

– В том-то и дело, – вздохнула Елена Витальевна. – Если Парфенов сам этого не захочет, никто о его делах не узнает, – она всхлинула и снова утерла слезу. – Пока он был жив, мы встречались с сыном каждое воскресенье. Конечно, потом приезжал Сережа, его водитель, царство ему небесное... и мое счастье кончилось!

– Ужасно! – посочувствовал священник.

– А теперь, когда и Парфенов, и Сережа погибли, я нигде не могу найти своего сына! – замотала низко опущенной головой Елена Витальевна.

– А чем я-то могу помочь? – спросил отец Василий. – Чем?

– Знаете, батюшка, – вздохнула Елена Витальевна. – Я один раз услышала от Сережи, ну, от водителя, что он привез Женю от Бухгалтера. Я не знаю, кличка это или должность, но я так поняла, что Парфенов держал его именно там. Вы не слышали о таком?

Отец Василий задумчиво посмотрел на Елену Витальевну. Она буквально пожирала его глазами.

– Нет, дитя мое, – печально покачал он головой. – Ни разу о Бухгалтере не слышал.

– Извините меня! – резко поднялась женщина. – Просто мне сказали, что вы в последние дни встречались с Парфеновым. Глупо, конечно, но просто я подумала... может быть, он что-то на исповеди вам сказал.

– К моему глубочайшему сожалению, – печально покачал головой священник, – Александр Иванович исповедаться не пожелал.

– Еще раз извините, – тряхнула прической Елена Витальевна и, глубоко вздохнув, направилась к центральным воротам.

Отец Василий замер, да так и стоял, не в силах стряхнуть оцепенение. «Надо же! – непрерывно вертелось у него в голове. – Парфен – и такая женщина!»

– Батюшка, – услышал он за спиной и обернулся. Прямо перед ним, уперев загорелые руки в бедра, стояла Вера.

– Да, Вера...

– О чем это вы, батюшка, с этой лахудрой так долго любезничали?

Отец Василий даже растерялся. Во-первых, назвать Елену Витальевну лахудрой мог только полный слепец, а во-вторых, в голосе Веры слышалась такая ненависть! В конце концов, какое ее дело?! Она просто не имела права вмешиваться в духовные отношения отца Василия и его прихожан! Даже учитывая их долгие дружеские отношения...

– Ты не должна так говорить, – осуждающе покачал головой священник. Он вспомнил, какой увидел Веру в первый раз – размалеванной, глубоко несчастной проституткой. Да, после исповеди она ушла с этой работы в шашлычную к Анзору, да, она задумалась над своей жизнью, но отец Василий внезапно увидел и другое – как много времени потребуется этой в общем неглупой женщине, чтобы вытравить из себя ужасный лексикон и прочие остатки прошлой жизни.

– А кто же еще? – с презрением отозвалась Вера. – Лахудра – она и есть лахудра.

– Ты же совсем не знаешь Елену Витальевну! – вспыхнул отец Василий. – У нее горе! А ты...

– Это я, что ли, Ленку не знаю?! – низким голосом рассмеялась Вера. – А горе у нее какое? Небось триппер подцепила? Или что похуже?

– Как ты можешь так говорить? – смутился священник. В голосе Веры слышалась такая уверенность, что он и не знал, как на это реагировать. – Откуда тебе-то знать?

– Уж кому и знать, как не мне! Уж я-то ей цену знаю! – криво усмехнулась Вера. – Триста баксов за раз, пятьсот за ночь. Самая дорогая проститутка в области.

– Чего?!

– Того! – передразнила священника Вера. И вдруг словно испугалась, что-то изменилось в ней быстро и явно. – Ой, извините, отец Василий! Что-то я не то несу! Вы-то, наверное, не знали! Ой, извините! Просто я вас вместе увидела, и мне так обидно стало! За Олюшку вашу, за себя, за вас.

На Веру было жалко смотреть. Но и отец Василий выглядел не лучше.

– А ну-ка пойдем, расскажешь! – схватил он ее за руку и потащил в беседку.

Оказалось, Елена Витальевна Соловьева на самом деле была Ленкой Мокрухиной, протитуткой экстра-класса. Парфена она, естественно, знала, как, впрочем, и всех других, у кого водились денюжки. От Веры и прочей мелочи Ленка всегда держалась особняком, и платили ей раз в шесть-восемь больше, чем любой другой. Видно, было за что. Причем «класс» у нее действительно был. Возможно, потому, что закончила Ленка то ли ГИТИС, то ли Щукинское и благодаря своим специфическим талантам успела повращаться в самых высоких кругах. Отец Василий слушал, затаив дыхание. А вот сына у Ленки не было никогда, и никогда она не была замужем за Парфеном, да и вообще замужем не была – за это Вера могла поручиться головой.

Когда она закончила, в глазах у отца Василия плавали разноцветные круги. «Зачем? – судорожно пытался понять он. – Зачем весь этот театр? – И вдруг вспомнил, как жадно эта женщина смотрела в его глаза, пытаясь уловить малейшие движения души. – Конечно, Бухгалтер! Ее интересовал именно этот человек».

Беда лишь в том, что священник действительно не знал, кто это. И ни разу он не слышал от Парфена такой клички... хотя тогда они и проговорили с ним целую ночь. Он снова перенесся мыслями в прошлое и снова уверился – нет, слово «бухгалтер» произнесено не было. Мат был, обида на весь свет была, две бутылки водки были. Под самое утро пошел настоящий разговор по душам, о прошлом, о будущем, но это слово не прозвучало ни разу.

Отец Василий не знал, что и думать. Вера, сообразив, что батюшка не имел в виду ничего «такого», кинулась его утешать, говорить, что Ленка и не таких мужиков вокруг пальца обводила и что она ничего никому не скажет, но отец Василий все равно расстроился, и довольно сильно. До конца дня, а потом и весь вечер дома он чувствовал себя каким-то испачканным и... виноватым.

– Бог мой! Что с вами, батюшка? – испугалась Ольга, едва муж переступил порог дома, но он только устало махнул рукой, переоделся и до поздней ночи остругивал и ошкуривал доски в летней кухне.

* * *

А наутро отец Василий узнал, что стряслась еще одна беда, да похуже, чем предыдущие. Ночью кто-то побывал внутри храма. Ничего, слава господу, не пропало, но чужие, нечистые руки обшарили и престол, и жертвенник, и кафедру и даже отодвигали иконы!

– Горе-то какое! – причитал диакон Алексей. – Батюшка! Горе-то какое! Осквернили...

Отец Василий пошел к сторожу, но Николай Петрович клялся, что совсем не спал и всю ночь ходил вокруг храма, потому что чудились ему шорохи внутри.

– Так милицию вызвал бы! – сокрушенно попенял ему священник. – Чего ждал?!

– Так я похожу, похожу, оно и стихает. Что, вызвать? Так я мигом! – вскинулся сторож.

– Раньше надо было соображать. Чего уж теперь! – махнул рукой отец Василий и отправился переодеваться к заутрене.

* * *

Еще не закончилась служба, к отцу Василию приехали. Два молодых оперативника в штатском с явным трудом дождались завершения службы.

«Раньше надо было приезжать! – раздраженно подумал священник. – Явились, блин, когда уже этих подонков и след простыл! Интересно, кто им позвонил?» Он немного скомканно завершил отпуст и, кивнув парням, вышел вслед за ними в церковный двор.

Молодцы переглянулись и взяли священника «в клещи» – справа и слева.

– Михаил Иванович Шатунов? – мирским именем назвал отца Василия один.

– Совершенно верно, в миру я Шатунов, – кивнул отец Василий.

Второй скороговоркой проговорил фамилию и звание, показал откуда-то из-под полы какие-то корочки и бесцеремонно даже не предложил, приказал: – Пройдемте с нами.

– А, собственно, по какому вопросу? – заинтересовался отец Василий. – Если по поводу этих безбожников, то вы опоздали – раньше надо было приезжать. Или вы не за этим приехали? – вдруг засомневался он.

– Там узнаете! – почти в унисон рявкнули добры молодцы.

Священник крякнул и лишь титаническим усилием воли удержался, чтобы не шарахнуть этих недоумков черепушками друг об друга. Он все понял: парни и понятия не имели о ночном визите незваных гостей в храм божий. Просто снова потянулась эта тягомотина, связанная с гибелью Парфена в автокатастрофе! Ему страстно захотелось послать их всех подальше. В конце концов, не далее как трое суток назад сам начальник усть-кудеярского УВД, лично Павел Александрович Ковалев счел полученную от него информацию соответствующей действительности, а инцидент полностью исчерпанным! Но послать их по всем понятному адресу означало дать волю своей гордыне.

– Ладно, ребята, пойдемте, – как можно более миролюбиво согласился отец Василий. – Я не против рассказать все еще разок. Сколько вам разиков потребуется для полного понимания, столько и повторю.

* * *

Его посадили на заднее сиденье потрепанного «жигуленка» меж двух таких же молодых оперативников и повезли, но не к площади, где находилось УВД, а на окраину поселка, куда-то в сторону старой заброшенной мыловарни.

– Эй, хлопцы, а вы не ошиблись? – завертел головой священник. – УВД-то в другой стороне находится.

– Мы знаем, – отозвался с переднего сиденья один из тех, кто заходил за ним в храм. – А будешь еще так шутить, поп, пожалеешь! – с явной угрозой добавил он. – Это я тебе обещаю.

Он явно имел в виду эту фразу из анекдота про ментов – насчет «еще разок повторить, до полного понимания». Надо же, дошло до парня.

Отец Василий вздохнул и подумал, что с воспитательной точки зрения самое правильное – накостылять им всем четверым, чтоб неповадно было впредь соплякам батюшке угрожать. Но его останавливали формальности. Как-никак, а документы они хоть и вскользь, но предъявили, да и его собственный сан все-таки ко многому обязывает. Он вздохнул и смирился.

Водитель подвел машину к старому, обшарпанному двухэтажному зданию, и отец Василий сразу узнал это место. Когда-то, как говорят, здесь был пересыльный пункт, но это уже очень давно. Позже, совсем недолго, это помещение использовали как следственный изолятор, но после того как в районе автобусного парка отгрохали новое здание, надобность в старом практически отпала и оно пришло в запустение. Так думал, по крайней мере до последнего момента, отец Василий. Впрочем, одиноко стоящее среди пустырей и заборов каких-то полуразваленных корпусов здание и теперь выглядело совершенно пустым.

– Выводи! – скомандовал с переднего сиденья оперативник, и отец Василий напрягся. Когда-то эти слова значили для него очень и очень много.

Сидевший от него справа парень вышел в дверь и, контролируя каждое движение священника, вывел его из машины. К нему тут же присоединились второй и вышедший из-за руля третий оперативник.

«Плотно вы меня обложили, ребята! – мысленно усмехнулся отец Василий. – Словно не попа, а киллера какого-то выводите!»

Окружив священника с четырех сторон, его провели в дверь и там, уже откровенно подталкивая кулаками в спину, потащили по узкому, едва освещенному тусклыми, тщательно

зарешеченными лампочками коридору. Такого антуража отец Василий не видел уже лет шесть, с самой службы.

– Сюда! – грубо распорядился тот, что шел впереди, и священник оказался еще за одной дверью, в маленькой квадратной цементной комнатушке. Стол, два стула и батарея отопления с вытертой до блеска краской в месте изгиба трубы.

«Сюда меня и прицепят», – подумал священник и не ошибся. К правой руке ему профессионально быстро пристегнули металлический браслет, подвели к батарее отопления и столь же стремительно застегнули второй браслет как раз на вытертом участке отопительного прибора.

Стоять пристегнутым за кисть было не слишком удобно, но до тех пор, пока его не обыскали и не выложили на стол все, что нашли, включая большой серебряный крест, приходилось терпеть.

– Садись! – приказал наконец один из этой четверки.

Отец Василий внимательно оглядел всех четверых, пытаясь угадать иерархию, выделил главного, того, кто скомандовал уже третий раз, и попытался сесть на привинченный к полу табурет. Даже с его ростом и длиной рук расстояние от батареи до табурета было ровно таким, чтобы сидеть на самом краю. Любой задержанный меньше его ростом, чтобы выполнить распоряжение, должен был бы изгибаться всем телом.

– Ну что, Шатунов, – подбоченясь, прошелся по кабинету оперативник. – Говорить будем или запираемся?

– Конечно, говорить, начальник, – усмехнувшись, подыграл ему отец Василий. – Какие базары? – Ему было страсть как интересно, насколько далеко занесет этого щенка.

– Тогда к делу! – Оперативник потянулся и уселся за стол. Неторопливо достал пачку сигарет, отработанным щелчком выстрелил одну, поймал ее ртом и каким-то еще более залихватским движением поджег спичку и закурил. Уперся ладонями в стол, откинулся на спинку стула, пару раз качнулся туда-сюда и внезапно со стуком подался вперед, оказавшись на добрых семьдесят сантиметров ближе к священнику.

– Когда ты в последний раз видел Бухгалтера? – глядя отцу Василию прямо в глаза, жестко спросил он.

«И эти туда же! – удивился священник. – Дался же им этот Бухгалтер!» Но допрос оставался допросом, и надо было побыстрее переводить его в цивилизованное русло и побыстрее отсюда исчезать.

– Можно вопрос, начальник? – невинно поинтересовался он.

– Здесь я задаю вопросы, – капризно дернул губой оперативник.

– Вот я и хотел бы узнать, – широко улыбнулся отец Василий. – Вы, вообще-то, кто будете? А то ваш товарищ мне удостоверение хорошо показал, а вы как-то мельком. Честно говоря, я и прочитать толком не успел.

– Борзый, да? – прищутив правый глаз, пыхнул ему в лицо дымом оперативник.

– Нет, просто я так полагаю, конечная цель нашей беседы – детально составленный протокол? Я угадал?

– И что?

– Ну так давайте начнем его заполнять. Вы не против?

Оперативник долго соображал, надо ли ему обидеться или все-таки расценить это движение поповской души как жест доброй воли, и выбрал второе.

– Что ж, давай, Шатунов, по протоколу, – пошел на уступку он. – Моя фамилия Пшенкин, звать Вениамин Борисович, и я старший лейтенант. Можешь обращаться ко мне «гражданин следователь».

Отец Василий старательно запоминал, а когда дошла очередь до него, рассеянно осмотрелся по сторонам и начал:

– Шатунов Михаил Иванович, старшина запаса... – смотри-ка, а нижняя-то труба прогнила, почти и не держится в регистре... – участие в боевых операциях на территории ДРА, – ему обо мне ни слова не сказали, с нуля отдали, – орден Красной Звезды... – если регистр дернуть посильнее, не выдержит и верхняя! Точно не выдержит! – Затем учебное подразделение МВД и служба в спецназе, еще один орден Красной Звезды... – главное – не застрять здесь чересчур, а то ведь впереди еще вечерняя служба, – а с 1995-го я, как видите, пошел по духовной линии.

– Где служил? – прищурил глаз оперативник.

– И в семьдесят третьей служил, и в восемьдесят пятой...

– Это у вас там, в восемьдесят пятой, в прошлом году шестерых за организацию банд-группы посадили?

– Не знаю, я в прошлом году там не служил, – сглотнул отец Василий и вдруг понял, что ему нестерпимо обидно оттого, с каким апломбом, каким высокомерным пренебрежением проронил свою фразу этот мальчишка, этот сопляк. И в этот самый момент он совершенно отчетливо понял, что старшему лейтенанту Пшенкину глубоко плевать и на то, где он служил, и на то, чем его наградили! И что сам он, старый дурак, попал со своей искренней верой в конечное торжество добра аки кур в ошип! – Ты, сынок, хотя бы половину бандитов задержал, сколько любой боец из восемьдесят пятой, – волнуясь и путаясь в словах, сказал отец Василий. – Ты еще в штаны писал, когда я своих боевых товарищей терять начал. Ты хоть это понимаешь? Понимаешь, я тебя спрашиваю?!

– Ты лучше, Шатунов, расскажи мне, как тебя Бухгалтер нанял, чтобы гражданина Парфенова замочить, – зло усмехнулся опер. – А про то, каким ты героем был, бабушкам своим в церкви рассказывать будешь! Если выйдешь, конечно.

– Я выйду, – серьезно пообещал ему священник.

Пшенкин засмеялся. Он смеялся долго и абсолютно искренне, а потом встал из-за стола, подошел к двери и громко крикнул:

– Мотыль! Эй, там, заснули, что ли?! Второго ведите, – а затем повернулся к отцу Василию и ехидно прищурился: – Подельник-то твой уже признался! Все, как миленький, подписал!

Отец Василий зажмурился. Он и понятия не имел, о каком таком подельнике речь, хотел возразить, но передумал и решил дожидаться развития событий. В коридоре загрохотало железо дверей, послышались шаркающие шаги и невнятное мычание.

– Сюда, сказал, иди! Куда тебя понесло?! – Удар и снова: – Прямо, говорю, иди, быдло!

Отец Василий напряженно ждал. Заскрежетала дверь, и в проеме показался плотный, широкоплечий, чем-то очень знакомый мужчина. Но узнать его священник сразу не смог: все лицо было покрыто сплошной сине-багровой маской синяка. Мужчина издал невнятный звук и повалился на косяк. Стоявший сзади оперативник придержал его за ворот.

– Что, узнаешь дружка? – поинтересовался Пшенкин.

– Нет, – честно сознался священник. – Не могу признать, вроде по фигуре знаком, а кто?..

Оперативники весело гоготнули.

– Ты такой же будешь, если в несознанку станешь играть! – сказал Пшенкин. – Рубцов это, Анатолий, дружок твой закадычный! Вместе Парфена мочили, вместе вам и сидеть!

– Анатолий?! – ужаснулся отец Василий. Он просто не мог поверить, что именно с этим человеком еще недавно мирно беседовал на автостоянке.

Человек-маска неразборчиво булькнул и пустил на остатки воротника густую кровавую слюну.

– Можешь идти, Мотыль, – разрешил Пшенкин.

– А этот?

– А вон, в уголок посади для наглядности.

Мотыль грубо, силком опустил Толяна на пол и вышел. Водитель попытался встать, но бессильно завалился на бок и ударился головой о цементный пол. Отец Василий инстинктивно дернулся подбежать, помочь, но браслет наручника только холодно звякнул о трубу. Уйти дальше стула священник не мог.

– Да люди вы или нет?! – повернулся он к Пшенкину.

– Рот заткни! – жестко оборвал его опер и вдруг мерзостно так улыбнулся. – Будем и дальше в игры играть или...

– Ну, гад! – не выдержал отец Василий. – Отплатится тебе, помяни мое слово! Не на этом свете, так на том.

– Вот и договорились, – еще гнуснее усмехнулся Пшенкин. – Только покамест ему отплатилось, а скоро и тебе. Сейчас я тебя кверху жопой подвешу, платице твое бабское задеру и через пять минут...

Отец Василий повел плечами и привстал.

– ...ты у меня, как миленький...

Священник шагнул к регистрам отопления и взялся за них руками.

Опер смолк и с въедливым интересом принялся наблюдать за поповскими манипуляциями. И тогда отец Василий наступил на нижнюю, совсем уже сгнившую трубу, вырвал ее из резьбы, легонько повернул батарею и напроць ее вывернул.

Опер открыл рот да так и замер.

Отец Василий в два поворота отломал батарею от трубы, к которой был прикован. Затем тихо, без шума и грохота поставил батарею на пол, снял с трубы наручник и кинулся к столу. Пшенкин рванулся к выходу, но священник остановил его ладонью в лицо и отшвырнул обратно на стул.

– Недобрый ты человек, Пшенкин, – сквозь зубы процедил он. – Как только такого земля носит? Ну ничего, недолго, я надеюсь, тебе осталось. Предстанешь ты перед судом божьим!

Пшенкин сглотнул слюну и кинулся шарить под пиджаком. Отец Василий легонько придержал опера за кисть и внимательно посмотрел ему в глаза. Там читалось только одно – безмерный, панический ужас.

– Или с тобой прямо сейчас посчитаться, не дожидаясь, пока господь призовет? – наклонился к оперу священник.

Пшенкин смотрел на него, как мышь на кобру.

Отец Василий вдруг успокоился. Он понял, что уже выиграл эту схватку, и, что бы потом ни случилось, он никогда больше не позволит себя так бездарно «закрыть». Священник выдернул из кобуры оперативника пистолет и потряс перед его лицом.

– Это я лично Ковалеву отдам как свидетельство твоего полного несоответствия занимаемой должности. Понял?

Пшенкин молча исходил потом.

– Ключи от машины у кого?

– Там, на выходе... у Петрова, – прохрипел Пшенкин.

– Понятно, – отец Василий легонько стукнул опера в шею, дождался, когда тот упадет лицом в стол, и подошел к Толяну.

– Анатолий, – тихо позвал он. – Ты как, двигаться можешь?

Водитель только неразборчиво булькнул. Отец Василий вздохнул, вернулся к столу, неторопливо выгреб из ящика стола свои вещи, надел на шею большой серебряный крест, бережно приподнял и перекинул через плечо Толяна и вышел из комнаты.

* * *

Предварительные расчеты его не обманули. Это здание, некогда нормальный объект Министерства внутренних дел, теперь было совершенно пусто, а главное, никак не охранялось. Если, конечно, не считать тех троих сопляков на выходе. Но даже «сопляков» на выходе он не увидел, лишь кто-то беззаботно гоготал за одной из железных дверей.

– Ты чего, Мотыль, куда девятку клеишь?! Чудо в перьях!.. На погоны себе нацепи!

Он беспрепятственно вышел на улицу, положил Толяна у стены и вернулся. Вытащил ствол и стремительно прошел за железную дверь. Троица мигом притихла.

– Оружие на стол! – проревел он.

Опера быстро переглянулись, только тот, что сидел слева, дернулся. Отец Василий, не глядя, наотмашь рубанул его ладонью в лицо. Парень издал чавкающий звук, стукнулся головой в стену и осел вниз.

– Стволы на стол, я сказал! – грозно повторил он.

Опера судорожно полезли за отвороты пиджаков. Отец Василий отобрал оружие и, не отрывая от них глаз, ощупал безжизненное тело их пострадавшего товарища. Нашел пистолет, сунул его за пазуху и покачал головой. Никогда в жизни он не встречал такого уровня халатности и непрофессионализма! Потому что оперу можно простить все, вплоть до «недозволенных методов», но только не головопашество! И только не трусость! Когда-то давно, еще в прежней жизни, в него эти простые истины вколачивали с кровью. Потому что лучше несколько зуботычин и разбитых носов, чем хотя бы один труп. Это была аксиома, и доказательств для нее не искали даже самые зеленые пацаны, даже самые никчемные курсанты! Но эти!.. Отец Василий презрительно сплюнул и протянул свободную ладонь вперед.

– Ключи, – потребовал он. – Быстро!

Один из оперов достал из кармана связку ключей и положил на стол. Отец Василий сгреб ее и вышел вон. «Щенки! – скрипел он зубами, поднимая водителя на ноги. – Щеглы сопливые!» Из всей этой компании только один, тот, что сидел справа, попытался оказать ему сопротивление! Только один! Отец Василий сунул Толяна на заднее сиденье, завел машину и, полыхая возмущением, поехал в поселок.

Когда-то давно, еще в прошлой жизни, и ему доводилось участвовать в таких постановках, особенно когда приходилось ломать действительно крутых мужиков. И на природу братву вывозили, и внутренности отбивали, и даже расстрелы имитировали. Но то, что было сейчас, более всего походило на плохой школьный спектакль с заскорузлыми троечниками в главных ролях. Отец Василий даже не мог сообразить, что завело его больше – то, что его так бездарно «закрыли», вид Толяна или эта кондовая, ни в какие ворота не лезущая любительщина.

* * *

Толяна он отвез в больницу сразу же. Отец Василий затащил окровавленного, не способного даже держать голову прямо водителя в приемный покой и бережно передал из рук в руки к подбежавшим девчонкам в белых халатах.

– Кто сегодня на дежурстве? – только и спросил он.

– Боря, батюшка. Ой! То есть Борис Иванович!

Отец Василий удовлетворенно кивнул. Боря – хирург неплохой, дело знает. Это в районе было известно всем. Он снова выбежал на улицу и сел в конфискованный «жигуль». Вскоре он бросил машину на стоянке и почти бегом кинулся в УВД.

– Куда?! – запоздало крикнул вдогонку дежурный, но было поздно. Отец Василий в несколько прыжков преодолел оба лестничных пролета и через несколько секунд уже входил в приемную Ковалева.

– А Павел Александрович занят! – протестующе пискнула секретарша, но остановить священника было не проще, чем набравший скорость эшелон.

– Ковалев! – рявкнул он, врываясь в кабинет начальника усть-кудейской милиции. – Это что еще за фокусы твои орлы выкидывают?!

Сидевшие за длинным столом офицеры дружно, словно по команде, повернули головы в его сторону. Отец Василий вытащил из-под рясы пистолет – второй! третий! четвертый! – и выложил их все на стол. Глаза офицеров стали круглыми, как у мультяшных зайчат.

– Мы же обо всем переговорили! – с болью в голосе продолжал священник. – Зачем ты этих пацанов подослал?!

– Так, Михаил Иванович... выйдите и дождитесь меня в приемной, – начал было Ковалев, стараясь не смотреть на пистолеты. Но это было выше его сил, и он беспрерывно и неконтролируемо съезжал на них оторопевшим взглядом.

– Ну уж нет, Павел Александрович! Ты меня прямо сейчас слушаешь!

– У меня сейчас совещание, вы что, не видите?! И что это за оружие?

– И у меня, знаешь ли, утренняя служба была, когда вахлаки твои тупые в храм божий с вот этим самым оружием ввалились! А потом еще и за батарею браслетом зацепили! – Он ударил по столу правой ладонью, и наручники громко стукнулись о полировку. – Так что извини, каков привет, таков и ответ!

Офицеры сдержанно загудели. Ковалев растерянно огляделся по сторонам. Он определенно не знал, что делать, и теперь искал хотя бы моральной поддержки. Отец Василий хотел добавить еще пару слов, но вдруг осекся... потому что понял – он себя почти не контролирует! И вот это уже было чересчур!

– Не делай так больше, Павел Александрович, – с болью в голосе попросил он. – Не пытайся меня сломать! Бесполезно, сам ведь знаешь. И на дешевку купить не пытайся, я тебе не мальчик, – священник развернулся, быстро направился к выходу, но у самой двери оглянулся. – А пистолетики эти я у твоих оперов поотбирал, редкие они у тебя мудаки, надо сказать!

* * *

Наручник ему отстегнул предварительно позвонивший Ковалеву дежурный. Но все равно всю дорогу до храма отец Василий не мог успокоиться. И не столько из-за этой глупой истории с молодыми операми и даже не из-за Толяна. Священнику было мучительно стыдно за внезапную потерю самоконтроля в кабинете у Ковалева. Он понимал, что причиной всему явились несколько предыдущих тяжелых и нервных недель. Просто, с достоинством выдержав все прошлые испытания, он поисчерпал свои природные, богом отпущенные лимиты прочности – и вот, надо же, теперь сорвался! Но это утешало плохо, потому что в гневе он мог натворить такого, что и не замолить!

Отец Василий уже почти дошел до храма и почти успокоился, когда сбоку, со стороны дороги, требовательно просигналили. Он обернулся. Из машины на него внимательно смотрел... Ковалев.

– Батюшка! – позвал он. – Отец Василий!

Священник в нерешительности остановился.

– Садитесь, подвезу, – пригласил Ковалев.

– Спасибо, Павел Александрович, мне уже немного осталось, – покачал головой священник.

– Садитесь, разговор есть.

Отец Василий с сомнением глянул на часы – до начала службы оставалось чуть более часа.

– Я вас надолго не задержу, – заверил Ковалев, и глаза у него были несчастные, как у больной собаки.

Отец Василий горестно вздохнул и принял приглашение.

Ковалев отвел машину к скверу Борцов революции и поставил в тени огромного старого каштана.

– Во-первых, примите мои извинения, отец Василий, – повернулся он к священнику. – Честно скажу, недоглядел за мерзавцами!

Священник, насупившись, смотрел в сторону.

– Мне ведь этого Пшенкина вроде как на подмогу прислали, а вы же знаете, кого обычно отдают – самых негодных, чтоб под ногами не путались!

Отец Василий скорбно молчал. Не то чтобы он совсем не верил Ковалеву, просто то, что он знал о начальнике усть-кудеярской милиции, позволяло утверждать: Ковалев будет говорить то, что ему выгодно сказать в данный момент, и безо всякого стеснения нарушит собственное слово, если ситуация повернется в другую сторону.

– Поймите меня, батюшка, – продолжил Ковалев. – Мне этот Парфен и так сколько лет во где сидел! А тут еще эти братки понаехали, спасу нет! И брать их не за что – ведут себя тихо да прилично, – и ночей не спишь! Только и ждешь, кого еще пристрелят. Превратили Усть-Кудеяр в гадюшник какой-то!

Конечно, в этот момент начальник местной милиции менее всего готов был признать, что одним из тех, кто и превратил Усть-Кудеяр в гадюшник, был он лично. Отец Василий прекрасно помнил исповедь бывшей проститутки, а ныне бойкой продавщицы придорожного кафе Веры. По ее словам выходило, что Ковалев чуть ли не спинку Парфену в банке тер. А теперь туда же – незаслуженно обиженного праведника из себя строит!

– Знаешь, Павел Александрович, что они с Толей Рубцовым сотворили? – наклонил голову отец Василий.

– Что?! – испуганно дернулся Ковалев.

– А вот ты бы в больницу съездил да посмотрел! Места ведь живого на человеке нет! Ладно бы он виновен был, но ты же сам его допрашивал! Знаешь ведь, что нормальный мужик! На хрена же так бить?!

– Ох, Михаил Иванович, – назвал священника мирским именем Ковалев. – Мы все с этими бандитами так намучились – верите, нет, – домой с пистолетом наперевес идешь! Немудрено, что и невинные страдают.

– Павел Александрович, – резко повернулся отец Василий. – Что-то я вас не пойму! Ну что вы все ноете?! Бандиты да бандиты! Как ребенок, право слово! У вас ведь такой уникальный шанс! Реальный шанс отделить зерна от плевел!

– Как это? – не понял Ковалев.

Священник почувствовал внутри внезапный прилив сил и какого-то необъяснимого молодецкого задора.

– Насколько мне известно, парфеновская шушера никаких обязательств на себя брать не хочет? – резко повернул он разговор в другую сторону. – Я прав?

– Ну, вроде как... да.

– Самаре да Москве до нашего Усть-Кудеяра и вовсе дела нет, их бабки парфеновские интересуют, а не наш паршивый городишко.

– В общем, верно, – приподнял плечи Ковалев.

– А денег-то нет! Понимаете? Самого главного зла нет! Ну и что вы теряетесь? Вычистить всю эту мразь единым махом!

– То есть? – никак не мог въехать Ковалев.

– Все просто, Павел Александрович, – рубанул воздух ладонью священник. – Парфеновских олухов сейчас никто не крышует! Разве не понятно? Без парфеновских бабок всем на них просто положить!

– Ну-ка, ну-ка! – оживился Ковалев.

– Единственной личностью в этой гоп-компании был Парфен, – со значением произнес отец Василий. – А те, что остались, – полная шушера, навроде твоего старлея Пшенкина! Ну и прижми ты их, Павел Александрович! Чего думаешь?! В данный исторический момент никто тебе и слова против не скажет! Ни в области, ни тем более в Москве.

Ковалев отчаянно заскреб подбородок. Идея была донельзя соблазнительная. Когда и вычищать бандитов, как не сейчас, пока они слабы. Ни адвокатов путевых нанять не смогут, ни надавить, где надо.

– У тебя ведь поди на каждого во-от такое дело! – развел руками отец Василий. – Только попробуй сказать, что это не так! И не придется невинных хватать, потому что это действительно никому не нужно!

Начальник местной милиции сидел, уставясь прямо перед собой, и, похоже, пребывал в полной прострации. Возразить было нечего, а согласиться... Уж очень все дерзко выглядело.

– А Васьков с Сутейкиным? – как за спасительную соломинку ухватился за фамилии банкиров из областного центра Ковалев. – Они против не будут? – От неожиданности происходящего бедный милиционер совсем потерялся.

– А им-то что? – пожал плечами отец Василий. – Васьков и Сутейкин так и так свое возьмут. Отдадут кому надо акции в управление и будут жить как жили. Ты что думаешь, им больно надо мелкую торговлю келешеванной водкой контролировать? Они по-крупному берут. Уж будь уверен.

Ковалев хмыкнул и вдруг повеселел, заерзал на своем сиденье и внезапно глянул на часы.

– Вы извините, батюшка, – проглотил слюну он. – Заболтал я вас. Да и вам уже на службу надо.

Отец Василий глянул на часы и охнул – до начала оставалось от силы семь-восемь минут. Он, не прощаясь, выскочил из машины и кинулся через дорогу, к храму.

– Отец Василий! – услышал он сзади крик. – Батюшка! – он оглянулся. Ковалев вышел из машины и смотрел ему вслед. – Простите меня за этого засранца Пшенкина! Я с ним лично разберусь!

«Ладно! – досадливо махнул рукой священник. – Это все ваши дела, меня они уже не касаются!»

Настраиваться на службу пришлось долго, куда как дольше обычного. Вместо благодати над отцом Василием витали обрывки разговоров, сине-багровое лицо водителя и собственные грешные, гневливые мысли. Но постепенно дело пошло на лад, и к вечеру священник, считай, окончательно пришел в себя.

* * *

С тех пор как закончились дожди и на улицах немного подсохло, отец Василий снова стал проделывать путь от храма домой и обратно пешком. Ему несказанно нравилось идти по узкой, заросшей бузиной и акациями улочке и смотреть в небо. За заборами надрывались демонстрирующие свои отменные служебные качества беспородные псы, по-волжски напевно переговаривались между собой соседи, хрустел под ногами кое-где насыпанный щебень, и отцу Василию становилось так хорошо, словно именно это и было главной задачей его земной жизни: идти, слушать и обонять все это великолепии божественного творения. Вот и теперь, почти полночью, шагал он домой, искренне благодаря господу за возможность еще раз ощутить его величие.

Но вот дома его ждал вполне житейский сюрприз.

– Бригадир приходил, – с порога сообщила супруга.

– Какой такой бригадир? – встревожился священник. В последнее время все его ассоциации как-то непроизвольно строились исключительно вокруг бандитских понятий.

– Петрович, кто же еще, – улыбнулась Ольга.

Отец Василий удивился, а потом понял и, покачав головой, невесело засмеялся. Вернулась бригада строителей, полным составом снявшаяся с его дома, чтобы перейти на парфеновский стройучасток. Их можно было понять тогда – с Парфеном не поспоришь; их можно понять и сейчас – вместе со смертью Парфена все работы на новой автостоянке прекратились, а значит, прекратились и выплаты. Тень безработицы снова опустилась на Усть-Кудеяр. И, похоже, это надолго.

– Что сказали? – поинтересовался отец Василий.

– Сказали, что завтра доделают летнюю кухню и примутся за сарай. Материал, говорят, у них свой, нам по старой дружбе уступят со скидкой.

«Еще бы не со скидкой! – подумал отец Василий. – Зима на носу, а они все сроки мне сорвали! Теперь давайте, ребята, навёрстывайте». Он вдруг почувствовал, как сильно, как невыносимо устал. Честно говоря, если бы не Олюшка, он даже не знал, как смог бы пережить события последних недель – слишком много всего. Только Олюшка его и радовала.

– Как там наш малыш? – положил он жене руку на живот.

– Растет. Что ему делается? – улыбнулась Ольга. – Уже на мел потянуло. Строители ведро принесли, а меня так и тянет попробовать!

– Я же тебе стерильного мела принес! – удивился отец Василий.

– Меня на стерильный не тянет, меня на этот тянет, – стыдливо потупила голову Ольга, и они оба рассмеялись.

Как-то так получалось, что все его старания улучшить быт оказывались или нелепы, или напрасны, всегда находились люди или обстоятельства, сводившие его усилия на нет. Как эти строители со своим ведром нестерильного мела. Теперь заранее приготовленная лично им стопка аккуратных коробочек с ровными красивыми брусками внутри оказалась ненужной. Олюшку на него «не тянет», видите ли.

– Ты как думаешь, – робко поинтересовался он, – нам еще долго будет «можно»? – Если честно, он страшно боялся ненароком повредить этой новой жизни внутри ее. Настолько боялся, что иногда чувствовал, как обмирает сердце от страха за них обоих: и за жену, и за будущего ребенка.

– Попросишь у строителей с полведерка ихнего нестерильного мела – тогда и поговорим, – игриво повела глазами жена.

– Я у них все ведро возьму! – клятвенно пообещал он. – Со скидкой.

* * *

Всю ночь отец Василий проворочался в кровати, постоянно проваливаясь в причудливые, сюрреалистические сны. Он снова и снова то боролся с огромными, покрытыми радужной чешуей чудищами, то убегал от крылатого, когтистого и такого мерзкого существа, что у него не доставало сил обернуться и посмотреть опасности прямо в глаза. И тогда он вскакивал и, хватаясь за простреленную восемь лет назад грудь, брел на кухню и жадно глотал холодную чистую воду из огромной, покрытой зеленой эмалью кружки. Покой и ясность, к которым он так стремился, никак не приходили, и это сказывалось на всем, даже на снах.

Только к четырем утра священник окончательно оставил бесполезные попытки уснуть и пошел во двор принимать холодный душ. Сегодняшний день, 19 августа, был особенным. Предстояло праздничное богослужение в честь Преображения Господня, одного из двена-

дцати важнейших православных праздников. Именно в этот день надлежало вспомнить явление Иисуса Христа в божественной славе трем избранным ученикам: Петру, Иакову и Иоанну, когда преобразился он перед ними и просияло лицо его, как солнце, а одежды сделались белыми, как свет...

Отец Василий досыта наплескался в душе, подставляя то спину, то грудь холодным потокам воды, оделся в чистое белье, наскоро перекусил и, расцеловав Олюшку, бодрым шагом отправился в храм. Солнце еще только поднималось из-за березового лесочка, и воздух был наполнен ароматами ночи, но птицы уже всю праздновали приход очередного божьего дня.

В такие минуты отец Василий как никогда остро понимал глубокую закономерность каждого поворота своего жизненного пути. И обижаться, что главное произошло с ним позже, чем со многими другими, было бессмысленно. Он просто не мог прийти к богу прежде, чем осознал, что каждое его слово – Истина. И он не смог осознать истинности его слова, пока не нашел в себе силы признать ложность большинства своих собственных принципов. Он вдруг вспомнил, какими глазами смотрели на него пацаны из родной роты, когда узнали, что Мишаня Шатун уходит на гражданку. А уж что они подумали, когда услышали, что он поступил в семинарию и учится на попа!..

Отец Василий их не винил, он их понимал – сам был таким. Он и сам некогда почитал за доблесть сломать человека просто за то, что он «чмо по жизни». И никогда не давал себе труда понять, насколько достойнее того же человека «поднять»... Честно сказать, он теперь остро сожалел о последнем разговоре с Ковалевым. Не надо было давать Павлу Александровичу никаких подсказок, пусть сами разбираются со своими мирскими делами. А он, единственный усть-кудьярский священник, должен был думать и говорить совсем о другом, ну, хотя бы о том, а что, собственно, изменится, если Ковалев, пусть и по закону, пересажает всех бандитов? Вон их сколько на смену растет – по пятнадцать лет пацанве, а уже «по понятиям» рассуждают!

Священника вдруг проняло до самого нутра, он ясно увидел, как страшна эта так называемая реальность, какое жуткое будущее создают своим детям люди, считающие себя крепко стоящими на земле материалистами! Отказавшись поверить в то, что они с таким высокомерием называют бабушкиными сказками, сколь сказочно кошмарный мир они создали вокруг себя! Не веря в ад «там», своими руками творят его здесь, и день ото дня все страшнее...

Священник тряхнул головой и понял, что за мыслями и не заметил, как проскочил на одном дыхании и шашлычную, и стоянку, и ведущую в церковь улочку. Храм уже сверкал куполами прямо перед ним.

* * *

День выдался на удивление хороший. Даже для праздника народу в храме было непривычно много. Прихожане, в основном, конечно, женщины, не расходились, целиком отстояв утреню. Они внимательно и напряженно слушали псалмы и тропари, стихиры и великое славословие, отходили, чтобы поставить свечи перед иконами Божьей Матери и святых заступников, и снова подходили, стараясь протиснуться и встать как можно ближе к амвону.

А в коротком перерыве, когда священник тщательно омывал вспотевшее лицо, к нему подошел диакон Алексей.

– Знаете, батюшка, что Тамара говорит? – имея в виду бухгалтершу, спросил он.

– Откуда ж мне знать?! – засмеялся отец Василий. – Я так думаю, если ей что надо, она и сама напрямую ко мне обратится. Или я чего-то недопонимаю? – повернулся он к Алексею и принялся утираться махровым китайским полотенцем.

– Да не в этом дело! – всплеснул кистями Алексей. – Чего она про женщин говорит, я хотел сказать, – и, поймав на себе недоуменный взгляд священника, пояснил: – Вы хоть знаете, что у нас трехмесячный запас свечей раскупили?

– Подозревал, – принялся разглядывать свое отражение в зеркале отец Василий. – И что, Тамаре Николаевне известны причины?

– Ага! – простодушно кивнул Алексей. – Она говорит, этой ночью менты половину Усть-Кудеяра вывезли...

– Погоди, какую такую половину? – озадаченно оторвался от зеркала священник.

– Ну, всех, кто на Парфена работал, – снова нетерпеливо всплеснул кистями Алексей. – Представляете, сколько народу повязали?! – с деланным ужасом на лице завершил он.

По спине отца Василия пробежал неприятный холодок.

– Что значит – всех? – спросил он. – На него же половина Усть-Кудеяра так или иначе работала.

– Ну, не как в тридцать седьмом, конечно, – засмеялся Алексей. – Директоров да менеджеров Ковалев не тронул, а вот дилеры, бригадиры, бойцы – все у него!

Отец Василий бросил полотенце на стул и распрямился. Он никак не ожидал от Ковалева такой прыти. Вот теперь священнику стало по-настоящему тошно. Пять минут неуместного проявления «гражданской позиции» – и многие искалеченные по твоей глупости судьбы.

– Господи, укрепи, – прошептал он. – Это что же получается, все эти женщины за своих сыновей свечки ставят?! – Мрак ужасной догадки на миг закрыл от него божий свет.

– Вроде того, – хмыкнул Алексей.

Отец Василий рухнул на стул и сидел без движения до тех пор, пока диакон не встревожился. А потом, когда они оба вернулись под купола храма, священник с ужасом убедился – все так! Все именно так и обстоит!

Прямо сейчас у иконы Пресвятой стояла на коленях мать «выездного бригадира» Кошеля, рядом, сложив ладони на груди, замерла молоденькая жена того рыжего задорного парня, что он видел однажды в компании покойного Парфена. Многих пришедших сегодня в храм женщин он не знал, но чувствовал: почти все они здесь!

* * *

В этот день поступления в храмовую кассу были невероятны. Отец Василий молча выслушал внеочередной отчет радостно запыхавшейся Тамары Николаевны и только устало кивнул. Он знал, что в ближайшие несколько дней денег соберется столько, сколько никто и в мыслях не держал. Свечи, молебны, а то и, не приведи господь, отпевания. Ковалев обеспечил его работой надолго! И от этого понимания мелкие волоски на спине и руках отца Василия становились дыбом.

А буквально этим же вечером все, сказанное Алексием, стопроцентно подтвердилось. Весь Усть-Кудеяр говорил о том, что начальник местной милиции наконец-то перестал жевать сопли и объявил войну преступности. Но, надо сказать, люди к этой новости относились по-разному. Мелкие предприниматели, лоточники и владельцы лавок и магазинов только недоверчиво ухмылялись. Эта многоопытная, битая-перебитая публика знала цену административным потугам и абсолютно не верила, что милицейская кампания надолго.

– Вот увидите, – махали руками они, – не пройдет и месяца, и все пойдет по-старому. И будем мы платить, как и прежде платили! Плетью обуха не перешибешь.

Как ни странно, куда оптимистичнее смотрели на события последних суток социальные «низы». Пенсионеры да безработные искренне надеялись, что до местной власти наконец-то дошло, что дальше так жить нельзя и надо поддерживать генеральную линию президента по наведению порядка в стране.

– Правильно Павел Александрович поступил! – горячо встревали они в любую дискуссию. – Давно пора! Вы посмотрите, что делается, по улице спокойно не пройдешь из-за хулиганья! А еще лучше, постреляли бы всех этих сволочей, хоть дышать стало бы легче!

Понятное дело, тех, кого ковалевская инициатива коснулась ближе всех – родственников и друзей задержанных, – никто особенно ни о чем не спрашивал. Люди прятали от них глаза и старались побыстрее прошмыгнуть мимо. Ни сочувствовать пострадавшим, ни злорадствовать над бедой никто не хотел. Может быть, потому, что сказывалась историческая память и каждый знал, что закон в России гибок, аки кнут. Сегодня возьмут за жабры кого следует, а завтра – кого захочется...

* * *

Отец Василий прикладывал все усилия к тому, чтобы праздник Преображения Господня вошел в сердца прихожан как светлое и торжественное событие, но с собой справиться так и не сумел. И к десяти вечера позвонил-таки Косте прямо в больницу.

– Мишаня?! – удивился главврач. – Не жда-ал! Чем порадуешь?

– Нечем мне тебя порадовать, Константин, – признался священник. – Ты сегодня как, не посидишь со мной вечерок?

– Ну вот, а ты говоришь, радовать нечем! – засмеялся товарищ. – В кои-то веки сам посидеть предложил! Это надо отметить. Мне как раз, – Костя перешел на шепот, – новая партия спирта подошла.

Отец Василий не смог удержаться от улыбки. Костя развелся со своей скандальной и беспокойной «половиной» лет, наверное, пяток назад и с тех пор вел беззаботную жизнь зрелого и во всех отношениях свободного мужчины. Сидел на работе до часу-двух ночи, по выходным пропадал на рыбалке, порой водил женщин. Ну и, конечно, позволял себе выпить, когда хотел и сколько хотел. Как он еще до сих пор не спился, оставалось для отца Василия совершенной загадкой.

– Когда тебя ждать? – напомнил о себе Костя. – Хотя бы к двенадцати будешь?

– Буду.

– Ну и работка у тебя! – цокнул языком главврач. – Похлеще, чем у меня будет.

Отец Василий положил телефонную трубку и запустил пальцы в бороду. На сегодня дел оставалось совсем немного, но его силы, когда-то, казалось, безграничные, были на исходе.

* * *

Лишь к половине двенадцатого ночи он вышел из храма и пешком пошел в районную больницу. Она была совсем рядом, буквально несколько кварталов по узким, заросшим старыми вязами улочкам. Света в только что отремонтированном третьем корпусе больницы не было, и лишь на втором этаже, там, где облюбовал себе кабинет главный врач, ярко светились три огромных окна. Отец Василий прошел по больничной аллее, открыл высокую дубовую дверь и поднялся по лестнице. В Костином кабинете было светло и шумно.

– Не-е, Костя, ты меня не так понял! – с еле заметным восточным акцентом убеждал кто-то главного врача.

Отец Василий предупредительно постучал в открытую настежь дверь приемной и вошел. Костя сидел за столом с неизвестным седым мужчиной в сером больничном халате и как раз в этот момент разливал содержимое маленького графинчика по рюмкам.

– Ми-ша-аня! – радостно раскинул он руки в стороны. – Заходи, дорогой ты мой друг! Заходи, родной! Знакомься, это Марат. Марат, знакомься, это Миша... ик!... то есть отец Василий, батюшка наш незаменимый.

Священник взгляделся. Где-то он этого немолодого мужчину с совершенно седой шевелюрой и острым внимательным взглядом уже видел.

– Тохтаров, – приподнялся со стула седой и протянул руку для пожатия.

И тогда отец Василий вспомнил! Они частенько встречались в коридорах власти и, хотя официально не знакомились, узнавали один другого и пусть кивком, но обменивались. Только там, в администрации да милиции, Тохтаров был одет в зеленый офицерский китель, а на плечах у него были погоны с большими майорскими звездами.

Костя достал третью рюмку и, даже не испрашивая разрешения, налил. Отец Василий выпил без капризов, сегодня он чувствовал, что это ему необходимо. Разговор продолжился, но он не слушал, а лишь молча отправлял в рот кусочки обильно посыпанной зеленью рыбы. И только услышав имя Парфена, священник встрепнулся.

– Я ему и говорю, – продолжил Тохтаров. – Павел Александрович, мне все равно, к какой группировке принадлежат ваши задержанные, но порядок есть порядок! Здесь я просто не смогу обеспечить должный уровень охраны!

– А он чего? – спросил Костя.

– А он мне: это, мол, твои проблемы! Представляешь? Завтра они все разбегутся, а мне потом отвечай!

– Наш Марат Ибрагимович, – пояснил Костя отцу Василию, – начальник следственного изолятора.

– Я уже понял, – кивнул священник. Месяца три назад он был на одном заседании, где Марат Ибрагимович жаловался на бедственное положение подследственных и, апеллируя к общественности, прилюдно требовал у начальства денег. Общественность слушала вполуха, всем было на подследственных наплевать, и начальство, слегка пожурив не в меру требовательного майора за страсть к «служебному эксгибиционизму», денег не дало. «Вы, чем всю подноготную на людей вываливать, лучше бы за порядком во вверенном вам подразделении следили, – сказали Тохтарову. – А то у вас, говорят, некоторые бедствующие подследственные и водку жрут, и даже с женщинами балуются». Отец Василий и теперь помнил, как густо покраснел спешно покинувший трибуну майор.

– А что там за проблемы? – развернулся он к Тохтарову.

– Понимаете, батюшка, – поморщился странно выглядящий в больничном халате, без кителя и звезд, майор. – Он уже восемьдесят шесть человек задержал! А у меня весь изолятор на двадцать четыре места. Я ему говорил: не торопись, Павел Александрович, куда я их размещу? А он – мол, осваивай новое помещение! А какое оно новое? Там все еще тридцать лет назад сгнило!

Постепенно картина прояснилась. Речь шла о том самом заброшенном много лет назад здании, в которое старший лейтенант Пшенкин со товарищи притащил самого отца Василия! Священник вспомнил, с какой легкостью он оторвал батарею от труб, и покачал головой. Здание действительно никуда не годилось. Но хуже всего было не это. Как рассказал Тохтаров, проблема была и в том, что у начальника изолятора просто не было столько контролеров, чтобы обслуживать сразу оба изолятора – старый и этот, еще старее. Его люди и так-то работали почти без выходных, а про то, что такое отгулы, забыли еще в девяносто втором году. А теперь максимум, что майор мог себе позволить, это отправить на «новый» объект одного контролера и поставить наружную охрану. Поступить иначе значило оголить основной объект.

– Я так Медведеву и сказал, – горячась, объяснял уже изрядно захмелевший майор. – Я этой бумаги не подпишу, я не самоубийца! А он мне: что, на пенсию захотел?! Ты не подпишешь, зам твой подпишет!

Конечно же, Тохтаров был прав. Разместить восемьдесят шесть или сколько там человек в непригодном помещении было со стороны Ковалева просто неосторожно. Отец Василий прекрасно помнил, как им с ребятами восемь лет назад пришлось штурмовать захваченный

арестантами СИЗО, чтобы спасти из персонала тех, кого еще можно было спасти. А началось-то все с безобидного на первый взгляд нарушения режима.

Слово за слово, отец Василий понял все, и даже то, почему Марат Ибрагимович пьет сейчас спирт с главным врачом райбольницы. Старый служака просек, что в такой момент заболеть – меньшее из зол, и просто лег на обследование по поводу язвы желудка. И, наверное, правильно сделал. Если самые страшные бумаги подпишет в его отсутствие заместитель, Тохтаров, по меньшей мере, сохранит за собой моральное право кричать потом: «А я вам говорил!»

Но интересно было и то, что чем больше распялся Марат Ибрагимович, тем яснее понимал отец Василий: не выдержит майор самоотстранения от дел, и попытка избавиться от проблемы, по-страусиному спрятав голову в гастрологическое отделение районной больницы, не устраивает его самого. Вся деятельная, насквозь служебно-сторожевая натура Тохтарова сопротивлялась нынешнему позорному состоянию. Священник достаточно разбирался в людях, чтобы увидеть это предельно четко и ясно. «Пара дней, и ты отсюда сбежишь, – думал он. – Максимум три!»

* * *

Отцу Василию не пришлось долго ждать, чтобы убедиться в своей правоте. Произошло это уже к вечеру следующего дня, потому что в обед Усть-Кудеяр потрясло страшное известие: в милиции умер человек – тот самый «выездной бригадир» Кошель, мать которого буквально за сутки до того священник видел в храме. Кто-то говорил, что бригадира забили насмерть резиновыми дубинками, другие лично видели на теле погибшего следы пыток.

Для маленького Усть-Кудеяра, в котором все знали всех с малолетства, это было экстраординарное событие. В отличие от жителей крупных городов, где отдельный человек давно уже потерялся в однородной статистической массе, и поэтому и жизнь, и смерть большинства абсолютно анонимны, сознание устькудеярцев отвергало саму мысль, что можно убить человека иначе, как только допившись до белой горячки. Но даже в этом случае смерть земляка надолго становилась событием, о нем говорили и вспоминали порой многие годы спустя.

Именно это сознание более чем все остальное мешало развитию любого бизнеса в Усть-Кудеяре, включая даже бандитский. Конечно, та же парфеновская братва и предпринимателей напрягала, и ребра кое-кому ломала, но даже это делалось как бы по-свойски, без утюгов на животах и прочего откровенного беспредела. Конечный финансовый результат тщательно маскировался проверенными психологическими ходами, когда все вроде как «свои пацаны». Может, именно поэтому пострадавшие никогда и не обращались к властям. Сама мысль о том, что ты сдал ментам Коляна из первой школы или Жэку с шестого квартала, была нетерпима для любого усть-кудеярского мужчины старше четырех лет.

По-настоящему жестким разрешалось быть только с чужаками. Поэтому новость о найденном трупе какого-нибудь водилы из Узбекистана и полусгнивших останках пропавшего два года назад предпринимателя из Тольятти воспринималась в этой среде достаточно спокойно, без охов и ахов, а правило «если попал – плати» применялось к чужакам быстро и без сантиментов. Но смерть или наезд на местного – это было совсем другое, и воспринималось совершенно иначе.

Новость о смерти бригадира, как всегда, принесла Тамара Николаевна. Затем новые интригующие подробности живоописал диакон Алексей. И в конце концов, когда со священником поделился своим видением проблемы храмовый сторож Николай Петрович, отец Василий не выдержал и позвонил сведущему во всех медицинских новостях поселка Косте.

– Слышь, Константин, не подскажешь, что там с Кошелем произошло?

– Это с бригадиром парфеновским? – переспросил главврач.

– Ну да, с кем же еще! Только о нем весь городок и говорит.

– Да ничего особенного, – равнодушно сказал Костя. – Тромб оторвался, так что мучился недолго.

– Его что, били? – поинтересовался священник.

– Да на фиг он кому нужен, чтоб его бить! – рассмеялся Костя. – Кошель уже лет шесть как на ладан дышал.

– То есть?

– Ну, во-первых, он отсидел в совокупности лет пятнадцать, сечешь? Одного этого – за глаза. Во-вторых, Кошель был туберкулезником. В-третьих, наркоманом. Да и работа у него была в последнее время нервная. Ты хоть знаешь, почему его все «выездным» кличут?

– Не-ет, – честно признался отец Василий.

– Он долги по району выбивал. Сам, конечно, руками не махал, ему для этого Парфен молодняк переподчинил. Но, сам понимаешь, каждый «случай» – стресс, а годы уже не те. Вот и помер.

У священника немного отлегло от сердца. Но совесть еще не была до конца удовлетворена.

– Как ты думаешь, это связано с тем, что его Ковалев «закрыл»? – все-таки не удержался и спросил он.

– Может, да, а может, и нет, – с сомнением в голосе произнес главврач. – Понимаешь, Миша, он свой «моторесурс» давно уже выработал. Я вообще удивляюсь, на чем он последние пару лет держался – весь был гнилой изнутри.

* * *

На этом бы все, пожалуй, и закончилось, но уже в пять отцу Василию позвонили из райадминистрации.

– Батюшка? Отец Василий? Вас беспокоят из администрации. Да, помощник главы. Николай Иванович просили вас подойти. Нет, на месте и узнаете... Нет. Не знаю. Просто подходите к восемнадцати, вам все скажут.

Звонок был странный, но к восемнадцати отец Василий уже входил в приемную, с удивлением заметив сидящего на стуле Тохтарова. На этот раз Марат Ибрагимович был одет по всей форме и, казалось, даже и не помнил, что еще шестнадцать часов назад, кутаясь в серый больничный халат, хлестал от безысходности спирт в кабинете врача. Но самое потешное, что и сам главврач с постной физиономией восседал рядом. Отец Василий приветливо кивнул обоим и присел рядом, но ему почти сразу пришлось встать – глава администрации Николай Иванович Медведев словно только его и ждал.

– Ну что, товарищи, – уперев большие красные кисти в края стола, начал глава, – работа вам предстоит важная, я бы сказал, ответственная...

Отец Василий чуть не рассмеялся. Его всегда потрясала эта железобетонная уверенность власти в том, что церковь – всего лишь один из отделов сложной государственной машины. Но в данный момент умнее было не возражать, а выслушать, и он быстро усмирил беса противоречия внутри.

– Общественность, так сказать, требует расследования, – это признание давалось Николаю Ивановичу с большим трудом. – Можно сказать, мы имеем дело с хорошо организованным комитетом, – глава повысил голос. – Кому это выгодно – это второй вопрос, и мы обязательно на него ответим! Я вам это обещаю! Но сейчас нам предстоит отвечать на вопросы общественности...

Минут сорок, жуя и комкая фразы и глотая слова, Николай Иванович объяснял то, что можно было изложить в пять минут. Двадцать две матери и жены задержанных Ковалевым устькудеярцев создали никем не признанный самодеятельный комитет и настойчиво тре-

буют детального расследования обстоятельств гибели Василия Кошеля и условий содержания остальных граждан. Причем в состав комиссии женщины потребовали включить наиболее уважаемых ими людей, в числе которых оказались главврач районной больницы Константин Смоудинов и священник православного храма отец Василий.

– Вы должны убедить общественность, что у нас все делается по закону, – с абсолютной верой в то, что говорит, завершил монолог Николай Иванович.

– Если вы думаете, что я буду прикрывать ковалевский зад своим авторитетом, – язвительно откликнулся Костя, – то, увы, ошибаетесь. Не буду. Тело покойного Кошеля я осмотрел лично, там вины ковалевской нет, но если санитарное состояние камер не будет отвечать нормативам, я на это укажу. Будьте уверены.

Глава администрации поперхнулся и, словно в поисках моральной поддержки, посмотрел на майора. Но и Тохтаров не был склонен к компромиссу.

– Вы мою позицию знаете, Николай Иванович, – сухо произнес майор. – Помещение не приспособлено, условий для содержания контингента там нет. И вряд ли к нашему приходу они там появятся.

– Так забери их к себе, – недоуменно предложил глава.

– Куда я их дену? На головы друг другу посажу? У меня и так в камере на четверых по двенадцать человек сидят, им уже кислорода не хватает!

Глава администрации перевел взгляд на священника, долго соображал, какая может быть поддержка со стороны церкви, но, так ничего и не придумав, махнул рукой.

– Ладно, дело покажет, – устало вздохнул он. – У меня и без вашего Ковалева проблем хватает.

* * *

В комиссии оказалось восемь человек. Бог весть кем и по какому принципу она подбиралась, но на первое заседание явились не все, и прошло оно сумбурно и нервно. Причем общая сумятица усугублялась тем, что каждого члена комиссии по отдельности и всех вместе усиленно осаждали матери и жены подследственных.

– Константин Иванович! – дергали за рукав главврача. – У моего-то обострение! Ему лекарства нужны! Вы бы сказали, чтоб разрешили передать.

– Это не ко мне! – отмахивался главврач. – Это к Тохтарову обращайтесь, он у нас обеспечением заведует!

– Так он, чурка нерусская, и слышать не хочет про обезболивающие! Говорит, это наркотики, а какие это наркотики? Он же без них не может! Ну, Константин Иванович...

* * *

В таком бедламе комиссия смогла собраться в полном составе и выехать на место лишь к вечеру. Выделенный райадминистрацией «рафик» бодро прыгал по кочкам, и поначалу не горевшие энтузиазмом его пассажиры уныло смотрели на сюрреалистический, как после гражданской войны, пейзаж. Вставший на прикол в девяносто четвертом году молокозавод, брошенный еще в шестидесятых по причине полной ненужности рыбозавод, набитые гниющей техникой автобазы, ржавеющие, гремящие обрывками рыжей жести некогда серебристые ангары – все навевало печальные мысли о тщетности человеческих усилий, по крайней мере в этой, отдельно взятой, стране.

На таком фоне приспособленное Ковалевым под изолятор помещение выглядело настолько веселее, что даже отягощенные длительным созерцанием российской действительности члены комиссии приободрились. Небритые, помятые личности беспрерывно таскали и

складывали на задах бесчисленные трубы и отопительные батареи, пронзительно воняло гудроном и горелым железом, а разодетые в подбитые коричневой кожей спецовки сварщики деловито цвиркали электродами почти в каждой комнате. Сразу было видно – если где и могла осуществиться розовая мечта бывшего советского человека о полной занятости, то только здесь, под патронажем инициативного, деятельного, расторопного Павла Александровича Ковалева.

– Давно жду! – широко и открыто улыбнулся он взъерошенным от недавних препирательств с инициативной группой и помятым плохой дорогой гостям. – Милости, как говорится, прошу! У нас ремонт... мы, так сказать, оперативно учли пожелания трудящихся, так что не обессудьте!

Отец Василий переступил порог слишком хорошо знакомого ему здания и тут же встретился глазами с... Пшенкиным. Трудно сказать, как «разобрался» с ним Ковалев, но выглядел старший лейтенант очень довольным. Увидев священника, он лишь на секунду опустил глаза, но тут же, словно припомнив что-то приятное, снова поднял их, озаряя все вокруг улыбкой полного, неподдельного счастья.

Комиссию сразу же, без возражений и вопросов повели по заселенным камерам, и отец Василий даже забыл о Пшенкине, настолько противоречивые чувства вызвала увиденная им картина. В первой же камере некогда крутые, сильные, широко известные по всему городку мужчины дружно встали, едва открылась дверь, и столь же дружно опустили очи долу.

– Смотри-ка, обработал их Ковалев, ничего не скажешь! – восхищенно шепнул на ухо священнику Костя и тут же кинулся осматривать притулившегося в дальнем углу мужичка. – Та-ак! Что это у тебя? Ушиб? Где получил? Ах, не помнишь? Понятно-понятно... А это что? – Для врача началась обычная, немного рутинная работа.

Отец Василий смотрел во все глаза. Когда-то его прежняя профессиональная деятельность была напрямую связана как раз с этим контингентом. Именно он был ответственен за то, что добрая сотня, а может быть, даже и две лично задержанных им граждан в свое время попали в сходные условия и осознали, что на любую силу найдется куда как большая сила, а безнаказанно конфликтовать с обществом сколь-нибудь долго не удастся никому. Но он практически никогда не видел задержанных потом, после того, как они попали в сухие и неласковые ладони закона. Теперь увидел.

Комиссия входила в одну камеру за другой, но нигде не услышала ни одной жалобы, и везде задержанные усть-кудьярские бандиты стремительно вставали, едва услышав лязг затворов дверей. И в каждой камере отец Василий видел, что батареей отопления нет, насквозь проржавевшие трубы обрезаны сваркой заподлицо, а дыры в потолке и полу наспех замазаны цементом. Урок, полученный старлеем Пшенкиным, даром не прошел.

– Батюшка, – снизу вверх заглянул священнику в глаза маленький чернявый бандит. – Мне бы причаститься.

– Для этого, чадо мое, – растерялся священник, – тебе грехи исповедовать надо.

– Я знаю, я согласен, – охотно закивал чернявый.

– И я... и я... – затеребили священника остальные.

Отец Василий чуть не прослезился. Духовный голод этих несчастных людей, их внутренняя потребность прикоснуться таинств церкви просто потрясли его, и, едва они вышли за дверь, он отозвал Тохтарова в сторону:

– Марат Ибрагимович, мне нужна свободная комната.

– Зачем? – удивился майор.

– Вы же слышали, как они просили меня об исповеди и причащении, – строго сказал священник.

– Эх, батюшка, – укоризненно вздохнул Тохтаров. – Вроде бы взрослый человек, а простых вещей не понимаете! Для них все это – лишь возможность послабления режима.

Отец Василий несогласно покачал головой. Он и представить не мог, что умный и совсем не злой Тохтаров окажется таким жестокосердным.

– А чего ж они все к вам кинулись?! – ядовито усмехнулся майор. – Эта публика, в отличие от вас, тут же все свои выгоды просекла! Вот увидите, они сразу начнут вас использовать. Записочку на волю передать, словечко кому надо шепнуть. А в результате свидетели начнут от показаний отказываться. Я в этой системе не первый год работаю, знаю, чем подобные эксперименты кончаются.

В принципе, Тохтаров был прав, и «они» наверняка будут использовать любую возможность, чтобы ослабить режим. Но отец Василий знал и другое – отказывать человеку в причастии только потому, что ты заранее ему не веришь, кощунственно.

– Мне нужна комната, где я мог бы исповедовать желающих, – упрямо повторил он.

– Я против, – отрицательно покачал головой майор. – Можете жаловаться, просить, но моей позиции это не изменит. Здесь даже под кухню ни одна комната не приспособлена, а вы мне про какое-то причастие говорите.

«Нехристь!» – мысленно ругнулся отец Василий. Похоже, Тохтарова надо было просто обходить.

За два часа члены комиссии ознакомились с ситуацией полностью. И недовольных положением вещей оказалось всего трое: поп, главврач и Тохтаров. Остальные хотели только одного – побыстрее все подписать и разъехаться по домам. Они просто не понимали, почему надо поднимать сыр-бор из-за того, что в столовой не хватает одного бака для дезинфекции посуды, а у нескольких человек обнаружены следы несерьезных побоев неустановленного происхождения. О духовных запросах арестантов они и вовсе не задумывались, видимо, считая это каким-то новомодным извращением.

Отец Василий долго сидел и слушал, как препирается крашенная пергидролем дама из администрации с главврачом районной больницы, и, не выдержав, вышел за дверь. Но и тут избавиться от страстей не удалось. В коридоре яростно ругались Тохтаров и Ковалев.

– Ты хоть понимаешь, что у меня даже людей не хватает?! – орал на шефа усть-кудьярской милиции Тохтаров.

– Да справляюсь я и без твоих людей! – не уступал Ковалев.

– Как это справляешься?! С чем это ты справляешься?! – махал руками Тохтаров. – Где ордера?! Где журналы учета?! Где караульные ведомости?! Где, я спрашиваю?! На основании чего мне те же продукты выписывать?!

– Чего ты кипятишься?! – не уступал Ковалев. – Будут тебе ведомости! Сегодня же вечером будут! Не мешай оперативной работе, Марат, или с Медведевым будешь дело иметь!

– Да плевал я на твоего Медведева! У меня свое начальство! – надрывался Тохтаров. – С меня шкуру за все снимут, не с тебя! Оперативная работа у него! Вывез бы их в лесок и проводил свою оперативную работу хоть до посинения! Что ты их мне на шею вешаешь?

– А кому прикажешь их вешать?! Кто их кормить будет?!

Отец Василий хмыкнул и, чтобы не мешать, отошел в сторонку. Конечно, Тохтаров с его натренированными годами работы служебно-сторожевыми инстинктами был прав. Но здесь, в глубинке, многое вообще делалось не по правилам, и требовать от Ковалева буквального исполнения всех инструкций было наивно, тем более теперь, когда в течение одних только суток число задержанных выросло втрое.

Мимо него провели арестанта, и отец Василий вздрогнул, что-то нестерпимо знакомое только что промелькнуло перед ним.

– Стоять, – жестко распорядился конвоир, и арестант встал.

– К стене, – приказал конвоир, и тот повернулся.

У отца Василия засосало под ложечкой. В пяти метрах от него лицом к стене стоял Санька Коробейник! «Не может быть! – подумал он. – Нет! Ну не может же быть! Откуда он здесь?»

Арестант искоса глянул в сторону отца Василия, и тот понял, что у него темнеет в глазах. Больше сомнений не оставалось!

* * *

Их рота участвовала в поимке двух молодых отморожков: только что дембельнувшегося из армии десантника да изгнанного с позором из рядов милиционера. За этим дуэтом уже тянулась целая серия кровавых убийств при ограблении мелких банковских филиалов и магазинов. Причем охранников – таких же, как некогда они сами, ребят в форме – преступники не щадили и стреляли сразу и только на поражение.

Были в этой операции и личные мотивы. Буквально за неделю до того дня отморожки в упор расстреляли Женьку, ушедшего из их роты на сытые хлеба в банк, – молодого, жизнерадостного пацана. Женьку любили все, и поэтому, когда в роте поняли, кого именно их направили брать, всех словно заклинило. Никогда до и никогда после этого случая будущий отец Василий, а тогда еще Мишаня Шатунов, не экипировался с такой ожесточенной тщательностью и запомнил эту операцию на всю жизнь.

Последний раз бандитов заметили в пригородном районе, у лыжной базы, и, по сведениям оперативников, именно здесь у мерзавцев была последняя берлога в одном из десятков рассыпанных на площади в несколько гектаров маленьких летних домиков.

Стояла глубокая ночь ранней зимы, и мягкие огромные хлопья падали на еще не побитую морозом темно-зеленую траву совершенно беззвучно. Рота выгрузилась и так же бесшумно, как снег, рассыпалась вдоль дороги, чтобы, разбившись на тройки, одновременно появиться возле каждого строения. И Коробейник шел тогда в одной команде с Шатуном и Севой.

Легким бегом они достигли заранее определенного ротным участка и затаились. Сева с тылу, прямо под окном, Шатун у крыльца, а Коробейник у боковой стены, там, куда выходило второе окно. Домик ощущался жилым. И не то чтобы там были следы, ничего подобного, падающий снег уже закрыл все. Просто что-то витало в воздухе. Немного еле заметного запаха подмокшего табачного пепла, пара совсем свежих спичек у крыльца и вроде как одеколон из дорогих. Это могли быть и случайные туристы, но... парни переглянулись, и Шатун понял, что все думают то же самое, а значит, сразу после сигнала можно не стесняться.

Ждали сигнала довольно долго, и только когда со стороны трассы послышался долгий протяжный гудок и еще один короткий, Сева и Коробейник, отвлекая внимание от двери, ударили по стеклам. Шатун пробил тонкое фанерное полотно двери ногой и, нащупав защелку, повернул ее и рванул дверь на себя. Судя по проекту постройки, который показывал им ротный, сразу за дверью шел тамбур и снова дверь, такая же тонкая, но, главное, открывающаяся вовнутрь. Благодаря этому тамбуру и второй двери у идущего со стороны крыльца было в запасе немного времени. Но второй двери не оказалось. То ли ее не было совсем, то ли она была распахнута настежь, отец Василий теперь не помнил, но едва он ступил на порог, время словно замедлилось и он понял, что это конец. Прямо в живот ему смотрел ствол автомата.

Как рассказал ему потом Коробейник, он осознал, что все пошло не так, буквально за доли секунды. Удивляться этому не приходилось, они так много и упорно тренировались вместе, что просто чуяли друг друга чем-то звериным, там, внутри. И тогда Коробейник нарушил «расписание» и, стремительно подтянувшись на руках, рывком забросил свое тело через окно. Стоявший напротив Мишани человек отвлекся – тоже на доли секунды, но этого хватило. Шатун бросился вперед и повалил его на пол. А к тому времени уже подоспел на помощь Сева.

Они взяли обоих живьем, за что получили особую благодарность от командира батальона и местных оперативников. Но вот Коробейника успел ранить второй, как раз в этот момент спускавшийся с мансарды. Санька потом долго валялся со своим простреленным легким в гос-

питале, перетерпел целую серию физиотерапевтических процедур, но его все равно списали. А теперь он стоял лицом к стене, дожидаясь, когда конвоир откроет железную дверь камеры.

Отец Василий не мог поверить своим глазам. Но вот конвоир аккуратно завел Саньку внутрь камеры и так же основательно закрыл. Каким таким образом, после стольких лет службы, Коробейник мог оказаться в юрисдикции ковалевского холопа Пшенкина? Священник ничего не понимал!

* * *

Этой ночью он так и не заснул. Вспоминая события дня, отец Василий удивлялся тому, что просто не подошел к Ковалеву и прямо не объяснил, что, вероятно, произошла какая-то дикая ошибка и его люди взяли явно не того человека. Но он снова и снова с ожесточением в сердце понимал, что недалекий районный мент Ковалев, волей случая ухватившийся прямо за хвост синей птицы удачи, слушать его не станет. Как бы ни был он глуп, а то, что второго такого случая засветиться перед властями не представится, он понимает. И поэтому будет с упертостью рудокопа просеивать человеческий материал сквозь свои заgreбущие пальцы, пока каждый сверчок не получит свой шесток.

Священник отчаянно не хотел верить, что Санька съехал с прямого пути и связался с бандитами, но он вспоминал, как скользнул по нему и торопливо отдернулся узнающий Санькин взгляд, и ему становилось совсем плохо. Прежний Коробейник не стал бы отворачиваться от Мишани Шатунова, пусть и в поповском одеянии.

* * *

Чуткая Олюшка тоже почти не спала, поднялась пораньше, принялась готовить что-то вкусненькое и щебетала, щебетала, щебетала:

– Видел, Миша, нам Петрович уже и сарай доделал, и крыльцо толком поставил, – заглядывала она мужу в глаза, пытаясь хотя бы на время завтрака отвлечь батюшку от тягостных мыслей. Но получалось у нее неважно. Отец Василий все выслушал, но ничего не сказал и, кажется, даже не заметил, что было на завтрак.

Весь день отец Василий ходил, как вареный, а на недоуменные вопросы Алексея и Тамары Николаевны лишь ссылаясь на плохой сон. Но на самом деле он просто боялся. Он знал, что не выдержит и рано или поздно пойдет к Саньке. Но некогда абсолютно бесстрашный Мишаня Шатунов отчаянно боялся снова встретиться глазами с Коробейником. Увидеть, как Санька отвернет взгляд в сторону еще раз, было выше его сил. И только когда то ли жена, то ли мать кого-то из задержанных напомнила ему о причащении для сына, священник понял, что прятаться за свои моральные немочи больше не хочет.

Он отправился к Ковалеву, но тот в предоставлении помещения под исповедальню, да и вообще в пропуске на территории СИЗО номер два решительно отказал.

– Даже и не думайте об этом, батюшка! – замахал он руками. – У меня там работы невпроворот, люди сутками домой не могут попасть, а вы тут еще свою исповедальню на них повесите! И думать забудьте!

И тогда отец Василий пошел к Тохтарову.

Марат Ибрагимович долго ходил по кабинету, трогая себя за подбородок, и наконец сказал:

– Вот что, отец Василий, послезавтра я планирую завезти в новое здание доски и посуду. Если хотите, поехали со мной, но учтите, пробуду я там недолго, часов шесть-восемь. Что успеете сделать, то успеете. Идет?

Отец Василий сглотнул слюну и кивнул. Шесть-восемь часов было невероятно мало для такого серьезного дела, но это было лучше, чем ничего. «Лиха беда начало! – подумал он. – Мне туда хоть один палец просунуть, а там видно будет».

* * *

К обеду священник немного успокоился, так что, когда к нему подошли с просьбой причастить тяжелобольную женщину, глянул на часы и кивнул. Времени у него было достаточно, и откладывать на потом смысла не имело.

– Это недалеко, в Красном Бору, – торопливо объяснял приехавший на стареньком «Пежо» мужчина. – Она у меня уже четвертый год не ходит. Я уж и телевизор ей новый купил, и магнитофон поставил. А она все батюшку просит привезти.

– Правильно делает, что просит, – закивал отец Василий. – Телевизор душе не помощник. Вы и сами это должны понимать.

– Ах, батюшка, – улыбнулся мужчина, – я-то, может, и понимаю, да все дела да дела. Некогда о душе подумать.

– Нехорошо, – цокнул языком священник. – Если о самом главном не заботишься, разве пойдут на пользу все ваши «дела»? Сказано же: не собирайте сокровищ на земле.

Он довольно быстро собрался, отдал распоряжения Алексею и Тамаре Николаевне и вскоре уже ехал в Красный Бор. Мимо проносились поля зрелой кукурузы, то там, то здесь показывались из-за бугра зеленые веселые перелески, и жизнь уже не казалась такой тяжелой, а проблемы нерешаемыми. «Просто подойду к нему и спрошу, – думал отец Василий о Коробейнике. – И нечего здесь огород городить! Когда это я от проблем прятался?!»

Мужчина вел машину почти профессионально, на довольно приличной скорости, так что до Красного Бора добрались даже раньше, чем планировали. Они съехали с трассы на довольно прилично заасфальтированный проселок, проехали сквозь деревню насквозь и свернули вправо, к виднеющимся вдалеке длинным невысоким строениям.

– Мы, что называется, на выселках устроились, возле самого леса, – улыбнулся мужчина. – За хлебом, правда, приходится на машине ездить, но мы уже привыкли. Вроде и до фермы недалеко, а воздух все равно свежее.

Отец Василий понимающе закивал. Судя по манерам и разговору, мужчина был из городских, явно фермер, из новых. После перестройки их переехало в деревню довольно много. Понятное дело, освоиться сумели не все, но те, кто смог, обычно ни о чем не жалеют – продукты свежие на столе, да и с деньгами у них куда как лучше, чем в колхозе.

У невысокого оштукатуренного дома они остановились. Мужчина поставил машину под навес, вышел и широким жестом пригласил отца Василия пройти в дом. Священник прихватил с заднего сиденья корзинку с дарохранительницей и прошел следом.

Когда они прошли сквозь темные сени и оказались в небольшом беленном известью зале, отец Василий инстинктивно потянул носом, но привычного запаха, какой бывает в домах тяжелобольных людей, не ощутил. Он вообще не ощутил здесь запахов жизни. Не пахло ни борщом, ни оладьями, ни даже покупным хлебом. Только дух давно не топленного помещения висел здесь, да еще запах плесени и старой гнилой древесины.

– Вот мы и пришли, батюшка, – бодро произнес мужчина. – Позвольте, мы вам поможем. Рваный, возьми у священника корзинку.

Отец Василий кинулся назад, но его умело перехватили за горло, а в почки ему тут же уткнулся твердый ствол.

– Тихо-тихо, батюшка, не дергайтесь. А то бо-бо сделаю, а это никому не надо.

Священник скосил глаза и ощутил, как кровь прилила к лицу. Справа от него стоял парень с косым шрамом через правый глаз, тот самый, что заказывал отпевание Парфена несколько дней назад.

– Вот и хорошо, вот и молодец, – шепотом пропел у него под ухом тот, что прижал его горло. – Отдай корзинку. И тихо, а то будешь иметь неприятности. Быстро!

Отец Василий молча протянул корзинку – освободить правую руку в этой ситуации не мешало. Но помеченный шрамом Рваный, вместо того, чтобы взять ее, стремительно защелкнул на его запястье наручник.

– Вторую руку давай, – грубо распорядился он. – Нет, не так! Сзади дай!

Отец Василий резко ушел вниз и, оставляя клочки бороды в чужих пальцах, дернулся в сторону. Рваный метнулся к нему, но священник остановил его локтем в горло и метнулся назад в сени. Загрохотала в кромешной тьме падающая металлическая посуда, он загнулся, упал, вскочил, но в тот самый момент, когда ему удалось найти дверь и распахнуть ее, он получил страшный удар по голове и снова провалился в темноту. * * *

Сознание возвращалось толчками. Свет. Сумерки. Снова свет, уже ярче. Прямо перед его лицом возникло что-то белое и шершавое на вид. Отец Василий сосредоточился. По белой стене полз маленький красноватый паучок. Он упорно пробирался вверх, но потом срывался и снова повисал на своей паутинке, отчаянно перебирая лапками. И снова он умудрялся зацепиться за поверхность стены, и снова принимался за чем-то карабкаться вверх.

В ушах шумело, а перед глазами плавали цветные фигуры. Отец Василий повернул голову и почувствовал что-то теплое и мокрое, медленно стекающее по шее.

– Батон! Он очнулся.

Отец Василий довернул голову еще. На табуретке сидел Рваный. Он тревожно смотрел на священника, время от времени выжидательно оглядываясь.

– Батон, блин! Где ты?! Я тебе говорю, он очухался!

– Иду.

Послышались тяжелые шаги, и над священником навис второй, тот самый благообразный, приятный на вид мужчина, который и привез его сюда.

– Ну, что, очнулись, батюшка? – заботливо поинтересовался он. – Вот и ладушки, вот и хорошо.

Отец Василий попытался встать, но закашлялся.

– Осторожнее, батюшка, мы тут вам удавочку приладили, – улыбнулся Батон. – Вы головкой-то не дергайте, а то задушитесь еще.

Рваный громко, нагло заржал.

Священник пошевелил заведенными за спину кистями. Наручники надежно соединяли обе руки. Он прикрыл глаза и сосредоточился. О том, куда именно он поехал, не знает никто. Это плохо. Но диакон Алексей должен был запомнить, что в Красный Бор. И это уже лучше. Беда в том, что от самого Красного Бора они находились километров за шесть. Могут не найти. Да и искать его некому. Ковалев? Смешно! А Олюшка так и поймет, что он куда-то уехал, и Алексей это подтвердит. Значит, раньше завтрашнего утра тревогу никто не поднимет. Но будут ли они находиться здесь до завтрашнего утра? Это вопрос. Неизвестно. Зависит от того, что им надо.

– Моргалы открывай! – грубо потребовал Рваный. – Неча из себя раненую лебедь корчить!

– Давайте-давайте, батюшка, просыпайтесь, – насмешливо вторил ему Батон. – Некогда нам с вами в поддавки играть. Время – деньги!

Священника потрепали по щеке, и он открыл глаза. Батон склонился прямо над ним. Оружия в руках не было ни у того, ни у другого. Но это ничего не значило.

– Зачем? – спросил он. – Зачем вы так?

– Вы нам нужны, – просто ответил Батон. – А не дергались бы, так ничего бы и не было. Сидели бы мы с вами да чаек попивали.

«Ах ты, какой душечка!» – подумал священник и, упираясь каблуками в пол, придвинулся к стене. Так захлестнувшая горло удавка мешала меньше.

– Ну-у, вы, я вижу, совсем пришли в себя, – усмехнулся Батон.

– Я тебе говорю, эта гнида поповская очухалась давно! – привстал с табурета Рваный. – А то лежит, под бревно косит!

– У меня к вам один вопрос, – уже серьезнее сказал Батон. – Кто такой Бухгалтер?

Отец Василий инстинктивно прищурил глаза. «И эти туда же! – подумал он. – Никак у этого Бухгалтера все парфеновские деньги лежат. Иначе бы они все не суетились».

Отец Василий не знал, что ответить. Он догадывался, что если все пойдет по их сценарию, то жить ему недолго. И неважно, известно ему, кто такой этот Бухгалтер, или нет – свидетеля не оставят. Значит, нужно потянуть время и сообразить, как повести все дело по-своему.

– Немного у вас вопросов, господин Батон, – тихо сказал он и попытался приподняться еще повыше, чтобы не чувствовать удавку вообще. Это не удавалось – малейшее движение, и удавка врезалась в горло. – Ослабьте, пожалуйста, – попросил он. – Мне трудно дышать.

– Сиди-и, гнида! – замахнулся на него Рваный, но Батон придвинулся ближе и начал ослаблять удавку.

– Спасибо, – кивнул священник. – А еще у вас вопросы есть? Или это все?

– А вы знаете еще что-нибудь? – заинтересованно взгляделся в него Батон.

– Я много чего знаю, – усмехнулся священник.

– Например? – подзадорил его Батон. Он произнес это столь беззлобно, словно они и впрямь сидели за чашкой чаю.

– Например, как Парфен умер, – сказал отец Василий. – Как он на самом деле умер.

– Чего ты гонишь?! – снова привскочил с табурета Рваный. – Это каждая «шестерка» знает!

– А ну-ка, – не обращая внимания на нервного напарника, предложил Батон, – расскажите.

Отец Василий приподнялся еще и уселся поудобнее.

– Они с министром московский рынок не поделили. Тот приехал сюда договориться по хорошему, а Парфен не захотел, – священник прокашлялся и почувствовал привкус крови в горле. – Он хотел его лично замочить, да сил не рассчитал, дорога была скользкая.

– Чего ты гонишь, поп?! – снова вскипел Рваный.

– Заткнись, – тихо предложил ему Батон и задумался. Похоже, такая подача недавних событий его заинтересовала. И он явно был неплохо информирован – слишком уж правильно реагировал. Он встал, прошелся по комнате и снова присел на корточки напротив священника. – Ну, хорошо, положим, это так. Но меня сейчас больше интересует Бухгалтер. Ты его знаешь?

Отец Василий пошевелил кистями. Он уже знал, что говорить, но ответ должен был прозвучать очень убедительно.

– Лично я его не видел, но голос его знаю хорошо. Он мне два раза позвонил.

– Зачем? – удивился Батон.

– А ты как думаешь? – усмехнулся отец Василий. – Ты ведь тоже меня сюда зачем-то притащил. Ведь так? Значит, и у тебя какие-то мысли есть?

Батон засмеялся – громко, беззаботно, как умеют смеяться только не отягощенные проблемами люди.

– Да нет у меня никаких особых мыслей, – сказал, отсмеявшись, он. – Просто ты у меня по списку четвертый.

Это могло быть и ложью. Обычным психологическим трюком, рассчитанным на то, чтобы сломать человека, чтобы не думал священник о себе слишком много. Но это могло быть и правдой. В любом случае Батона следовало убедить, что именно отец Василий – главное звено в цепи. «Иначе гнить мне там же, где и предыдущие трое по списку гниют!» – подумал священник.

– Так зачем он тебе должен позвонить? – уже серьезно спросил Батон.

– Ему от меня что-то надо, – ответил отец Василий.

– Что?

– Не знаю. Но думаю, это связано с Парфеном.

– Каким образом? – В глазах Батона светился неподдельный интерес.

И тут отец Василий соврал еще раз.

– Парфен исповедоваться ко мне ходил, – тихо сказал он. «Господи! – подумал он. – Неужели я это говорю?!»

И Рваный, и Батон аж подпрыгнули:

– Да ну?!

– Перекрестился бы, да руки скованы, – смущенно сказал отец Василий.

– Не может быть! – опомнился первым Рваный. – Чтобы Парфен, да на исповедь?! Брешет, козлиная!

– Тише, Рваный, – одернул напарника Батон. – Посмотрю я на тебя, если за тобой смерть придет, – он повернулся к священнику. – И ты все Бухгалтеру расскажешь?

– Нет, конечно, – покачал головой отец Василий.

– Ну и на хрен он нам нужен?! – снова вскочил с табурета Рваный.

– Молчи, Рваный, не в этом дело.

Отец Василий наблюдал. Батон все понял верно. Какая разница, скажет поп что-нибудь Бухгалтеру или нет. Лишь бы тот позвонил.

– Когда он должен звонить? – наклонил голову он.

– Вечером, может быть, часам к десяти.

– А куда?

– На сотовый.

– А где сотовый?

– В храме оставил.

– Вот гад! – бурно отреагировал Рваный. – Смотри, что делает! Он хочет, чтобы мы его назад отвезли!

– Вижу, – усмехнулся Батон. – Дурак он был бы, если бы не хотел. Но ты, Рваный, не бойся, все в наших руках.

– Что ты говоришь, Батон?! – возмутился Рваный. – Как это в наших?! Телефон там, а мы здесь!

– Я съезжу, привезу, – привстал с корточек Батон и повернулся к священнику. – Где сотовый лежит?

– В бухгалтерии, – честно сказал отец Василий. Он понимал, что Батон тянуть не станет, а значит, поедет сейчас. Тамара Николаевна, пока он доберется, уйдет домой. Вот только Николай Петрович... – У меня просьба, – вздохнул он. – Сторожа не трогайте.

– Ладушки, – улыбнулся Батон. – Будь спокоен, поп. Не с фраерами дело имеешь.

Отец Василий откинулся головой на стену и закрыл глаза. «Мы выехали в два часа дня. Добирались около часа. Да еще здесь проговорили с часок. Значит, теперь около четырех. До

храма Батон доберется к пяти. Не исключено, что будет ждать темноты. Хотя вряд ли, он точно не фраер – по-наглому телефон возьмет. У меня в запасе два часа до его приезда. Если ничего не удастся сразу, то еще часа три, от силы, четыре – до десяти-одиннадцати. А потом они меня убьют».

Священник попытался представить, как встретит смерть, но ничего не получалось. Достойные предсмертные слова не прорисовывались, красивые позы не получались. Он просто не умел умирать.

* * *

Едва Батон вышел за дверь, отец Василий внимательно осмотрел комнату, но ничего, что могло бы ему помочь бежать, не обнаружил. Голые стены, старая панцирная кровать, перекосившаяся тумбочка да крашенные полы. Он поискал глазами какой-нибудь брошенный на пол гвоздик, скрепку наконец, но ничего не обнаружил. Втихую наручники отомкнуть было нечем, а Рваный сидел напротив, чесался, зевал и совершенно определенно не собирался спускать с него глаз. «А может быть, ногами его уделать? – вспомнил старую терминологию священник. – Ох, невыгодная у меня позиция!» Действительно, сидя на полу, сделать что-либо было невозможно, а чтобы встать, нужен повод. Но какой?

На улице тихо заурчал и постепенно стих двигатель. В окно билась бог весть как попавшая сюда толстая, зеленая муха. Тишина, постепенно заполонившая все вокруг, стала такой всеобъемлющей, что казалось, будто во всем мире остались только они двое: священник и бандит.

Минут через сорок Рваному стало скучно. Ему было очень трудно просто сидеть и ждать, и он начал ерзать на табурете, вытаскивать и снова прятать пистолет и кидать в сторону своего пленника красноречивые взгляды.

– Если соврал, я тебя лично замочу, поп, – сладострастно ухмыляясь, пообещал Рваный.

Священник не отвечал. Он старательно думал, как выпутаться из этой паршивой ситуации. Но ничего на ум не приходило.

– Ты меня слышал, поп?! – сжав зубы, повторил Рваный.

– Мочилки не хватит, – неожиданно для себя презрительно ответил священник. И вдруг понял, что хотя понтоваться с этим бандитом и опасно, но только так и можно нарушить это самоубийственное равновесие, когда он сидит на полу, а Рваный пасет его, сидя на табурете.

– Че-го?! – возмутился бандит и привстал.

– Что слышал, сынок. Я повторять не стану.

Рваного как подбросило! Он отшвырнул табурет и мигом оказался рядом со священником.

– Я тебя, фраер, предупреждаю, будешь доставать, вот этими руками порву! – начал он и не удержался, ударил. Потом еще раз. И еще! И еще!!! Удар за ударом, он все больше входил в раж.

Отец Василий по мере сил уворачивался, но удавка ограничивала его возможности. В какой-то момент Рваный потерял равновесие, и его шатнуло. «Пора!» – понял священник и подсек его ногой.

Рваный рухнул. Он ударился затылком об пол и на какой-то момент выпал из реальности. Отец Василий тут же, не дожидаясь, пока бандит придет в себя, обхватил его ногами и потащил к себе. Рваный слабо сопротивлялся, но движения его были не согласованы, и он просто не успевал. Отец Василий быстро подsunул одну ногу ему под шею, вторую положил сверху на горло и сцепил обе ноги замком. Теперь и Рваного удерживала удавка из двух мощных ног.

«Где-то у него пистолет! – подумал священник. – Если вытащит, я уже ничего не смогу!» Он понимал, что самое надежное средство – удавить Рваного прямо сейчас, пока он практиче-

ски в отключке, но это священнику ни в коем случае не подходило. «Ну и что я теперь буду делать?!» – отчаялся он. Противник был целиком в его власти, но реально он ничего поделать не мог – ни обыскать, ни надежно удержать. Он даже пошевелить ничем толком не мог, кроме как ногами.

Рваный дернулся, и отец Василий тут же пережал ему горло. Рваный захрипел и дернулся сильнее. Священник усилил хватку. Некоторое время бандит приходил в себя, потом снова повторил попытку. И еще раз! И еще... Но вырваться ему не удавалось.

Только на пятой или шестой попытке Рваный вспомнил, что у него есть оружие. Он судорожно сунул правую руку под курточку, вытащил большой черный «ствол», но тут же получил удар каблуком в горло, дернулся и стих. Отец Василий сглотнул. Сжимающая пистолет рука Рваного лежала на животе, буквально в полуметре от священника. Отец Василий осторожно снял правую ногу с бандитской шеи и начал каблуком придвигать руку с пистолетом поближе к себе. Это было очень опасно, в любой момент Рваный мог непроизвольно нажать курок.

«Если мне удастся протаскать пистолет под собой к рукам, я смогу перестрелить цепочку наручников, – подумал он. – Лишь бы он не дернулся до срока!» И в этот самый момент Рваный захрипел, повернул освобожденную голову и поднял пистолет.

Они сделали это одновременно. Священник изо всех сил ударил бандита каблуком в шею и тут же получил вспышку в лицо! Отец Василий дернулся в сторону и вдруг ощутил, что, несмотря на острую, обжигающую боль в шее, он свободен! Священник наклонил гудящую голову вперед. По шее текла горячая, липкая кровь, но горло больше ничто не перетягивало! Пуля, скользнув по шее, перебила удавку.

– Ну вот, а ты говорил, замочу, – пробормотал он и, подвернув ноги под себя, встал на колени. Невыразимое чувство свободы охватило все его тело! Он поднялся и, шатаясь и почти не соображая, что делает, побрел к выходу. «Легкая контузия, – промелькнула пьяная, словно чужая мысль. – Скоро очухаюсь».

Он прошел сквозь сени, протиснулся в приоткрытую дверь и чуть не завопил от счастья. Вокруг, сколько хватал глаз, праздновала его второй день рождения яростная и прекрасная жизнь!

«По дороге нельзя, – сообразил он. – Если этот, второй... как его... уже выехал назад, можем повстречаться». Отец Василий огляделся по сторонам, увидел невдалеке зеленый березовый лесок и, шатаясь, падая и снова поднимаясь, помчался вперед.

* * *

Он пробежал по лесу около километра, когда понял, что все сделал не так. Контуженный выстрелом в лицо, он напрочь забыл, что надо подобрать пистолет и перестрелить цепочку. Это просто вылетело у него из головы. Отец Василий остановился и прислушался, но шума погони не услышал. Никто не мчался за ним, матерясь и ломая кусты. Только ласковый шелест листвы и пение какой-то птички нарушали тишину леса. Священник глянул на солнце, сверил его положение с расчетным временем, прикинул направление на Усть-Кудеяр, несколько раз глубоко вдохнул и снова побежал, теперь уже ровно, ритмично и экономно.

Обливаясь потом и тяжело дыша, он пробежал еще около трех километров и оказался на открытом месте. Это был огромный брошенный карьер, местами залитый водой и поросший буйной растительностью. В самом низу карьера мирно паслись две беленькие козочки и такая же тихая, умиротворенная всей этой красотой и обильным питанием кобыла.

Отец Василий расправил плечи, прикинул, как покороче обойти эту рукотворную ямищу, как вдруг заметил небольшое облачко пыли на той стороне. Облачко двигалось по краю карьера и двигалось прямо к нему. «Они!» – охнул священник и, даже не думая, что делает, сиганул вниз.

Он проехал на пятой точке метров пятнадцать, пока не достиг самого дна. Здесь, внизу, среди буйной растительности и под прикрытием обрыва он был в относительной безопасности. И вдруг отец Василий подумал, что в любом случае преимущество на их стороне. Бандиты знают, что он будет прорываться обратно в Усть-Кудеяр, они могут вычислить и примерную скорость его передвижения, значит, сектор поисков у них не так уж и велик.

– Надо ломать график движения, – вслух произнес он и тоскливо огляделся по сторонам. Но ничего спасительного вокруг не увидел. Только мекали козы да старая плешивая кобыла флегматично жевала траву, искоса поглядывая на нежданного соседа. Когда-то он два лета подряд работал вместе с колхозными пацанами пастухом и ездил без седла так же свободно, как другие в седле. Отец Василий еще раз воровато огляделся и пополз к лошади.

– Спокойно, моя хорошая, это всего лишь я, простой православный священник. Видишь? Кобыла удивленно на него посмотрела, но ничего не сказала.

– Сейчас мы с тобой съездим в замечательное место, – продолжал по-партизански передвигаться к ни в чем не замешанному животному священник. – Вот увидишь, тебе там понравится.

Кобыла повернула к нему шею и оскалила огромные, крепкие, желтые зубы. Отец Василий инстинктивно притормозил, но глянул вверх, на край обрыва, где, должно быть, прямо сейчас рыскали в поисках его шкуры два отмороженных бандита, набрал воздуха и снова пополз вперед.

Кобыла недовольно всхрапнула и переставила спутанные передние ноги в сторону от него.

«Тебя же еще распутать надо! – догадался священник. – Ну, ничего, я уж постараюсь». Он подполз еще ближе, почти под самое брюхо огромного тяжелого животного и подумал, что, если ей вздувается на него наступить, вопль священника услышит даже православная общественность Усть-Кудеяра.

Кобыла вывернула голову, явно размышляя, укусить ей нахала прямо сейчас или сначала посмотреть, что он собирается делать. Пока пересиливало любопытство.

Отец Василий пристроился у кобылы под брюхом, подполз к ее передним ногам спиной и нащупал путы из толстой колючей веревки.

– Сейчас, моя маленькая! Сейчас, моя хорошая! – мурлыкал он себе под нос, наверное для того, чтобы не думать о двух центнерах живого веса над собой.

Кобыла ждала.

И только ему удалось ослабить нехитрый узел и освободить одну ногу, животина легко отступила в сторону и, встряхивая гривой, пляшущей походкой отправилась по своим делам.

– Куда?! – удивился отец Василий. – Стой! Ну-ка назад!

Кобыла оглянулась, издевательски всхрапнула и спокойно отправилась дальше, туда, где стебли цветущей травы казались ей наиболее питательными.

Священник вскочил и, путаясь в полах рясы, кинулся за беглянкой. Он снова и снова настигал ее, но кобыла снова и снова, озорно вскидывая голову и кося на преследователя лиловым глазом, отбегала в сторону и останавливалась. И только когда он загнал и ее, и себя в какое-то болотце, она встала как вкопанная и позволила подойти к себе.

– Вот и умница! Вот и молодец! – обрадовался священник, и до него впервые дошло, что сесть на нее со скованными сзади руками практически невозможно. Он пошевелил заведенными за спину кистями, переступил утонувшими по щиколотку в грязи ногами, жадно огляделся вокруг, но, не обнаружив ничего нового и осознав бесполезность всей своей затеи, прижался к теплему, колючему боку лбом.

– Если человек дурак, то это надолго, – прошептал он.

Кобыла не возражала.

Он тронулся и пошел вперед, уже не огибая теплые, прогретые августовским солнцем лужи и колючие заросли чертополоха. Сейчас он хотел только одного – чтобы все это поскорее закончилось!

Отец Василий не прошел и тридцати метров, когда остро почувствовал, что его нагоняют. Он резко обернулся – его старая плешивая знакомая шла следом за ним, как собачонка.

– Со мной хочешь? – улыбнувшись, спросил он. – Ну, пошли.

Они прошли так по дну оврага еще около полукилометра, когда он заметил остов грузовика. Священник оглянулся на свое несостоявшееся гужевое транспортное средство, глянул на остов, еще раз посмотрел на кобылу и понял, что не все потеряно.

– А что? Надо попробовать, – сказал он и поманил кобылу за собой, поближе к остову.

Они провозились минут двадцать. Лошадь, похоже, понимала все, но сделать за священника его работу не могла. Она честно становилась рядом с самым остовом, но ни помочь ему взобраться наверх проржавевшей кабины, ни примериться, ни подать «копыто помощи» в момент посадки не умела. Но, когда он все-таки сел, кобыла тихо тронулась вперед и, подчиняясь каждому его движению и слову, повезла священника на юг, туда, где его уже ждали диакон Алексей и молодая, красивая супруга Олюшка.

* * *

Некоторое время отец Василий еще поглядывал по сторонам, рискуя свалиться с гладкой покатою спины, но потом успокоился. Ему даже подумалось, что, возможно, никакого пылевого облачка и не было или был это обычный степной ветерок, столь обожающий изображать из себя миниатюрный смерч. Они проехали до конца карьера, и умная животина, аккуратно выбирая дорогу, вынесла его наверх и повезла дальше по неширокой лесной тропе.

Лошадь никуда не торопилась, но даже один ее спокойный размеренный шаг равнялся двум его, и двигались они быстро и безостановочно. Несколько раз отцу Василию чудился звук мотора, но потом снова становилось тихо, и он успокаивался.

«Кто такой Бухгалтер? – думал он. – Что это за странная фигура? Ковалевский прихвостень Пшенкин считает, что именно Бухгалтер и заказал мне Парфена, подосланная неизвестно кем бывшая студентка то ли ГИТИСА, то ли Шуки Ленка Мокрухина разыграла передо мной целую греческую трагедию, лишь бы получить хоть какую-то информацию о Бухгалтере. А тут еще и эти – как их? – Батон и Рваный».

Он ехал и думал, но в голову ничего не приходило. У него не было ни одной надежной версии, кроме той, что имел этот самый Бухгалтер какое-то отношение к исчезнувшим парфеновским деньгам. Но и это ему почти ничего не давало. Ну, положим, это так, но он-то, священник православного храма, каким боком причастен?! От него-то им всем что надо?!

Старательно избегая дорог, они проехали березовый лесок до самого конца. Затем миновали кукурузные совхозные поля, затем обогнули увеличивающуюся с каждым годом усть-кудеярскую свалку, и еще не село солнце, как отец Василий въехал во двор собственного дома.

* * *

Здесь вовсю громыхали жестью, стучали молотками и скрежетали лопатами о дно емкости для раствора. Бригада Петровича торопилась выполнить заказанный объем работ до зимы.

– А пусть за нас работает медведь! – слышалось пение откуда-то с крыши недостроенной летней кухни. – А мы будем на него смотреть! У него четыре лапы; пусть берет кирку, лопату...

– Вовчик! Ты когда раствор подашь?

И в этот момент бригада увидела батюшку. Неизвестно, что они подумали, да и подумали хоть что-нибудь вообще, но и шум, и грохот моментально стихли, а вся бригада замерла, с

открытыми ртами уставясь на отца Василия, горделиво возвышающегося на гнедом скакуне с широко расправленными плечами и по-пижонски заложенными назад руками. В его глазах сверкал благородный огонь.

– А мы тут... работаем, – сглотнув слюну, пояснил тот, что стоял поближе, и на всякий случай посторонился.

– Вижу, – устало и, как показалось работягам, немного недовольно откликнулся хозяин дома. – Ну что, мне кто-нибудь поможет или вы так и будете стоять?

* * *

Грузного, большого батюшку снимали с коня всей бригадой. Почти сразу же выбежала во двор и Ольга, но, увидев темные от усталости глаза мужа, сразу подойти не решилась и, только когда отец Василий подошел к ней сам, Олюшка встревоженно прижалась к широкой мужниной груди.

– Что с вами стряслось? Господи, это кровь?!

– Потом, – глотнул пересохшей гортанью священник. – Пойдем в дом, и попить мне дай.

Олюшка без расспросов набрала в огромную зеленой эмали кружку холодной чистой воды, напоила мужа, потом набрала еще одну кружку, потом еще... и только потом решилась задать вопрос.

– Что, опять?

Отец Василий кивнул.

Ольга прикусила губу. Она была сыта всеми этими совсем не поповскими приключениями по горло. Она смертельно устала бояться, еще тогда... когда был жив Парфен, еще тогда, когда Вера прибежала к ней домой под утро и сказала, что отец Василий уже допивает вместе с главным бандитом города вторую бутылку водки и они кричат и ругаются матом, обвиняя друг друга в неверном подходе к осмыслению бесконечной Вселенной.

– Я устала бояться, – тихо, но решительно сказала она. – С меня хватит.

– Милицию набери, – вместо ответа распорядился отец Василий. – Пусть пришлют человека с ключами от наручников. Извини, Олюшка, но я тоже устал.

Жена набрала сразу самого Ковалева, долго и укоризненно что-то кричала в трубку, требовала гарантий и вообще нормальной человеческой жизни. Отец Василий слышал все, но думал о другом. Он не знал, надо ли спрятать беременную Олюшку где-нибудь у родни шашлычника Анзора или все-таки подождать развития событий. Он не знал, как далеко пойдут эти бандиты в своих действиях. В этот момент он уже нисколько не жалел о том, что подкинул Ковалеву эту совершенно не духовную мысль об устройстве глобальной очистки Усть-Кудеяра от оставшихся без лидера бандитов. Сейчас эта мысль уже не казалась ему ни крамольной, ни недостойной священника.

«Что это со мной? – как о чужом человеке думал он. – Разве достойно допускать в своем сердце столь нехристианские движения души? Разве может православный священник мыслить такими категориями? Разве не с этим я боролся в себе всю свою жизнь?» И без борьбы соглашался сам с собой: «Да, все это так. Да, это не по-христиански. Но я слишком устал». Он знал, что все эти мысли только следствие огромной душевной усталости, что это просто слабость, но сегодня ничего иного ему не думалось.

* * *

Через десять минут во двор дома отца Василия подъехал ментовский «уазик», и из него выскочил красивый, стройный, довольный собой старший лейтенант Пшенкин. Он взбежал на крыльцо, без стука вошел в дверь и через секунду уже освобождал священника от оков.

– Ну вот, батюшка, а вы небось думали, что от милиции одни проблемы! – весело сверкнул он ровными белыми зубами, так, словно и не было избитого до синюшности ни в чем не повинного водителя Толяна, угроз повесить попа «кверху жопой», словно не было ничего... – Заявление будете писать?

– Обязательно, – мрачно проронил священник. – Только не сейчас. Я сейчас занят. Можешь идти.

Он понимал, что ни Рваного, ни Батона менты сейчас в Красном Бору не застанут и с заявлением можно не торопиться.

– Там вами Тохтаров интересовался, – у самых дверей обернулся Пшенкин. – Говорит, если хотите, можете сегодня к нему подойти. У него что-то изменилось.

– Зачем подойти? – не понял священник.

– А мне откуда знать? – засмеялся Пшенкин. – Это вы с ним в одной комиссии состоите, – и вышел за дверь.

Он произнес это слово «комиссия» с таким презрением, что отец Василий сразу все вспомнил. Ну, конечно же! Он же сам просил Тохтарова подсобить в деле исповедания грехов и причащения заблудших преступных душ в новом ковалевском изоляторе. «Вот беда! – подумал он. – А корзинка-то с дарохранильницей и освященными дарами в Красном Бору осталась!»

– Так, Олюшка, – повернулся он к жене. – Я сейчас в душ, а ты свежее белье приготовь. И новые туфли. А то эти вот, – он приподнял полы рясы и посмотрел на заляпанную обувь, – совсем никуда не годятся.

– Хорошо, – кивнула Ольга. – А что мне с лошастью делать?

Священник смущенно хмыкнул, он чуть не забыл о своей спасительнице:

– Напой да хлебушка дай. Она это заслужила.

Отец Василий принял холодный душ, тщательно смыл кровь, быстро переоделся в чистое белье, поцеловал на прощание жену, потрепал по холке кобылу и сел в машину. Ему следовало поторопиться. Впрочем, он уже сообразил, что насчет освященных даров беспокоился напрасно. Правильнее будет пока исповедовать желающих, а там и видно будет, кого следует причастить, а кого еще рановато.

* * *

Тохтарова он нашел не сразу. Начальника СИЗО не было ни в УВД, ни в здании изолятора, и только дежуривший на вахте райадминистрации старый дед сказал священнику, что Тохтаров, поди, на бывших складах райпотребсоюза и должен как раз сейчас получать мыло и посуду. Отец Василий сердечно поблагодарил вахтера и двинулся на склады.

Марат Ибрагимович и впрямь оказался на складах и в настоящий момент отчаянно ругался с кладовщиком.

– Ну какую тебе еще бумагу надо?! – жестикулировал он.

– Доверенность, – не сдавался кладовщик.

– А это что?! Я тебе что, не доверенность привез?! – сердито вопрошал он, яростно тыкая пальцем в пачку бумаг на столе.

– Мне другая доверенность нужна, от Ковалева, – на глазах теряя сдержанность, объяснял кладовщик.

Отец Василий дождался момента, когда кладовщик сдался и, взяв с Тохтарова честное слово, что он завтра же привезет нужную бумагу, выдал четыре ящика хозяйственного мыла, и подошел.

– Привет, Марат Ибрагимович, – протянул он руку начальнику СИЗО.

– Здравствуйте, батюшка, – вздохнул Тохтаров и сразу же перешел к делу. – Вы уж извините, но не могли бы вы перенести свою встречу... с контингентом?

– Это еще почему? – удивился священник.

– Не ко времени это сейчас, – махнул рукой Тохтаров. – Знаете... сейчас, да еще и исповедь, – с сомнением покачал он головой. – Вы извините меня, отец Василий, это напоминает дурную шутку.

Отец Василий опешил:

– Вы же сами Пшенкину передали для меня, что можно. И, потом, знаете, я такими вещами не шучу и вам не советую!

– Ладно, извините, – сразу сдал назад понявший, что ляпнул не по делу, Тохтаров. – Если вы настаиваете, поехали.

* * *

Через десять минут отец Василий уже следовал на своих «Жигулях» за фургоном Тохтарова, а еще через полчаса входил в здание второго изолятора.

За какие-нибудь сутки-двое Ковалев сделал достаточно много. Работавшие на него пропитые личности практически целиком ободрали начавшую обваливаться со стен штукатурку, а кое-где даже наново оштукатурили. Двери – все до единой – сияли свежим кузбасслаком, а гора сгнивших отопительных труб, явно в нарушение служебных требований, поднялась выше забора. Хотя, конечно, без помощи того же Тохтарова и всеми ругаемой усть-кудеярской администрации здесь не обошлось. И сварочные аппараты, и цемент, да и хоть то же мыло должен был кто-то выдать.

Ковалева здесь не было, но на проходной сидел человек Тохтарова, так что священника пропустили. И только внутри начались проблемы. Работавший со своими подследственными в поте лица Пшенкин заартачился сразу.

– Не знаю ничего! – выпучил он глаза. – Не было мне указания попов сюда пропускать!

– Так позвони Ковалеву, он распорядится, – нервно посоветовал Тохтаров. Не то чтобы он был на стороне отца Василия, но Пшенкин, это было видно по всему, его изрядно раздражал.

– В отъезде Ковалев, – мрачно сказал Пшенкин.

– Тогда и голову не морочь, – махнул рукой Тохтаров. – Вон, посади его в кухне, дай человека на конвой, и дело с концом!

После недолгих препирательств и взаимных упреков и обвинений так и поступили. Отца Василия препроводили на кухню, и он с удивлением обнаружил, что и внутри помещения дела идут на лад, даже стены уже покрашены. Правда, кухня сейчас использовалась то ли под склад, то ли под мастерскую. В углу одиноко стоял подключенный сварочный аппарат, а на длинном, сваренном из уголков, с надежно привинченными свежооструганными досками столе штабелями стояли банки с краской и ящики с гвоздями и электродами.

– Гвозди и электроды убрать! – сразу жестко распорядился Тохтаров. – А краска пусть стоит. – Он повернулся к священнику: – Ну что, батюшка, кого вам пригласить?

Отец Василий глянул в записную книжку:

– Давайте с Батманова Сергея Ивановича начнем.

* * *

Когда конвойный привел Батманова и, дождавшись кивка священника, вышел за дверь, отец Василий неторопливо, с чувством прочел пятидесятый псалом, продолжил тропарями, завершил иерейскими молитвами и обратился к Сергею:

– Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое.

Батманов испуганно на него посмотрел, как бы вопрошая, можно ли начинать, и, прочитав в глазах священника поощрение, начал то ли пересказ печальной своей жизни, то ли следственные показания. Он путался, пытался что-то объяснить и оправдать, но отец Василий не мешал, и постепенно Сергей успокоился и оттаял.

В его исповеди не было почти ничего, что отец Василий уже не услышал на исповедях других, куда как более законопослушных устыкудеярцев. Самое удивительное, в свое время исповедь самого отца Василия выглядела бы примерно так же. Много страха, еще больше скрытой гордыни и слишком мало собственно раскаяния. Но священник понимал, что это только начало, и, когда он придет в следующий раз, Батманов многое переоценит. Потому что, однажды ступив на путь к богу, душа словно вспоминает свое истинное предназначение, и это забыть уже невозможно.

Затем был второй, затем третий, четвертый. Уже начал время от времени тревожно заглядывать в дверь, нарушая все мыслимые православные нормы, нехристь Тохтаров, но отец Василий был слеп и глух к его многозначительным гримасам и приглашал одного вновь обретенного прихожанина за другим.

Надо сказать, из этих исповедей он узнал и многое, не относящееся непосредственно к грехам. Арестанты, видимо, надеясь, что тайно сказанное ими на исповеди будет как-то использоваться священником, жаловались на побои и прямые пытки, без тени сомнения раскрывали тайну следствия, и именно от них священник узнал, что почти каждого арестанта долго и болезненно допрашивали на предмет, кто такой Бухгалтер. Канувшие в неизвестность деньги покойного Парфена и поныне давили на совершенно непричастных к тайне их исчезновения людей.

А на пятый час почти непрерывного отпущения грехов отец Василий услышал такое, во что даже не сразу поверил.

– Коваль свою команду сбивает, – тусклым голосом сообщил ему крепенький такой, но еще совсем молодой светловолосый парнишка.

– То есть? – ошарашенно нарушил точно выверенный процесс исповедания священник.

– Собирает тех, кто под ним работать будет, – проглотил слюну мальчишка. – Наши пацаны не хотят, так Пшенкин их за ноги головой вниз подвесил... На целую ночь.

– Что-то я не пойму, – нахмурился отец Василий. – Как это, под ним работать? На милицию, что ли, осведомителями?

– Не-е, не на ментовку, – отрицательно покачал головой мальчишка. – Лично на Ковалья. Он сейчас на место Парфена метит. Только куда ему. Он парфеновского мизинца не стоит, упавший человек, никто с ним работать не будет.

Это была новость. Некоторое время отец Василий даже не обращал внимания на то, что ему говорит парень. Он переваривал услышанное. Получалось так, что Ковалев использовал безвластие отнюдь не для того, чтобы преступность известить. «Господи, помилуй, ибо грешен! – чуть не заплакал отец Василий. – Истинно, не ведал, что творил!»

– Батюшка! Что с вами? – встревожился парень. – Чего это вы говорите?

– И у меня грехи есть, чадо, и у меня, – признался священник. Он не мог сказать этого мальчишке, но сам-то он прекрасно помнил, как лично, из самых лучших побуждений и добрых намерений, подал эту идею Ковалеву. Да разве же он мог знать, чем все обернется?!

После того как он отпустил мальчику грехи и отправил назад в камеру, к нему ворвался Тохтаров:

– Батюшка, мы так не договаривались! Вы посмотрите, сколько времени! Половина двенадцатого ночи! Сколько можно вас ждать?! Пшенкин уже на говно весь изошел!

– Что, работать мешаю? – язвительно усмехнулся отец Василий. – Скажи этому вурдаку, я уже ухожу, – он посмотрел на конвойного. – Приведите мне того, что в крайней камере сидит, рыжий такой, со шрамом на шее.

– Чукалина, что ли? – засомневался конвойный. – Ладно, батюшка, сейчас.

«Какого Чукалина? – хотел поправить его священник. – Саньку Коробейника, – но передумал. Чукалин так Чукалин. Кого бог ему направит, того он и примет.

* * *

Но бог направил к нему именно Коробейника. Санька тихо вошел, огляделся и присел на лавку рядом со священником. В двери еще раз показалась и исчезла взлохмаченная седая голова Тохтарова, но помешать отцу Василию он так и не решился.

– Ну, здравствуй, Санек, – дернул кадыком отец Василий.

– Здравствуй, Мишаня, – не опуская глаз, ответил Коробейник.

– Под чужой фамилией ходишь? – спросил отец Василий.

– Ты вроде тоже на другое «погоняло» откликаешься, Мишаня. И бороду, я смотрю, отпустил.

– Не хочешь грехи исповедать перед господом своим?

– Я не вызывался, – отрицательно покачал головой Коробейник.

Оба замолчали. Отец Василий не мог «предъявить» Саньке ничего, в конце концов, жизнь и не такие фортели выкидывает. И все равно ему было очень и очень обидно.

– Я тебя когда увидел, даже не поверил, что такое может быть, – жестко сказал он.

– А ты и не верь, – парировал Коробейник. – Я бы тоже никогда не поверил, что Мишаня Шатун будет в рясе ходить.

– Это другое, – возразил отец Василий.

– И это – другое, – со значением и даже каким-то вызовом в голосе сказал Коробейник.

В коридоре послышался какой-то шум, и Коробейник встревожился, стремительно вскопчил и подбежал к двери.

– Тише, – предупредительно показал он священнику рукой. – Подожди, Мишаня, помолчи.

За дверями стихло, и Коробейник вернулся на лавочку.

– Братва говорила, шухер будет. Ты бы шел отсюда, Шатун, я так понимаю, тебе сейчас человек мочить никак нельзя?

– И что? – сглотнул священник.

– А то! – жестко ответил Коробейник. – Шуруй отсюда, пока не поздно. И «хозяина» с собой прихвати, не хрен вам здесь делать.

Отец Василий ошарашенно смотрел на Коробейника. Это был прежний Санька – сильный, умный и волевой боец. В коридоре снова раздался невнятный гул, а через некоторое время – одиночный выстрел. И снова все стихло.

– Ах, блин! – подскочил Санька и снова метнулся к двери. – Кажется, нам хана! – ожесточенно произнес он.

Отец Василий стремительно поднялся и подбежал к двери. Открыл и выглянул наружу. Конвойного в коридоре не было! А вдалеке, в самом конце длинного коридора, ворочалась и кипела страстями бесформенная черная масса.

– Назад! – оттащил его за рясу Санька. Он был все так же невероятно силен.

– Подожди! Надо к выходу! – без особой уверенности возразил отец Василий.

– Поздно! – выдохнул Коробейник. – Теперь в любую сторону поздно.

И в его голосе послышалось такое отчаяние, что отец Василий почувствовал, как у него на загривке по-звериному поднялись дыбом волосы.

– Что там происходит? – спросил он.

– Я же сказал, шухер! – как отрезал Санька и заметался по комнате, оглядывая углы.

– Что ты ищешь?

– Отстань, Мишаня! Лучше молись, если можешь! – снова отрезал Коробейник, пытаюсь оторвать доску от стола. Получалось плохо. Доска скрипела, стонала, но на своем месте держалась крепко.

– Давай, я помогу, – предложил священник, еще не понимая, чего Санька хочет.

– А-а! Не надо! – махнул рукой тот. – Это бесполезно. Ручки-то изнутри все равно нет.

И тогда до отца Василия дошло. Санька хотел заблокировать дверь изнутри, но не подумал, что вряд ли во всем изоляторе найдется хоть одна комната, которую можно закрыть с внутренней стороны. Здесь не было ни ручек, ни запоров. Священник огляделся по сторонам, хмыкнул и подошел к сварочному аппарату.

– А если этим? – спросил он. – Ты абсолютно уверен, что нормально уйти уже невозможно?

Но вместо ответа в коридоре закричали так отчаянно, так страшно, словно из человека заживо тянули жилы. Санька метнулся к агрегату, опустил рубильник вниз, прислушался и схватил кабель.

– Давай электрод! – крикнул он.

– Здесь нет электродов, – покачал головой священник. – Тохтаров приказал все вынести, – он уже понял, что Коробейник задумал заварить железную дверь изнутри.

– Ладно, хрен с ним, – сплюнул Санька. – Я и так прихвачу, прямо держак! Добавь там оборотов!

Отец Василий кинулся к аппарату и отчаянно закрутил рукоятку, добавляя тока. Санькина идея была абсолютно верной. И если он прав и за дверями начался бунт, самым лучшим было бы замуроваться здесь глухой стеной в три-четыре кирпича. Но можно и просто прихватить дверь сваркой.

В коридоре раздались несколько выстрелов, один за другим, крик, еще выстрел, но Коробейник уже протянул кабели к самой двери и даже подвел массу, прижав ее к металлической поверхности ботинком. Но свежеекрашенная кузбаслаком дверь тока не проводила.

– Суки! – заорал кто-то в коридоре. – Мочи их! – и сразу же раздался топот ботинок. Дверь распахнулась, и в комнату влетел... Тохтаров. Майор жимал правой рукой рану в боку, а пальцы его и китель были в крови. Начальник СИЗО захлопнул дверь и кинулся к столу. Похоже было, что пистолета у него не было, а сам он уже и забыл, что несколько часов назад лично распорядился вынести отсюда все железное, и защищаться ему теперь просто нечем.

Коробейник проводил его взглядом и тут же возобновил свои попытки приладить массу. Затрещали искры, и буквально за пару секунд до того момента, как дверь задергали снаружи, он уже положил первый шов.

– Открой, гнида! – страшно заорали снаружи. – Открывай, я сказал!

– Хрен тебе, а не мороженое! – внятно произнес Коробейник и прихватил железную дверь к такому же металлическому косяку и в средней части.

– Что происходит?! – кинулся к Тохтарову вышедший из ступора священник.

– Бунт, – тихо произнес майор, стягивая китель. Ему было очень больно.

– Давайте я подсоблю, – предложил отец Василий, принял китель и помог расстегнуть зеленую офицерскую рубашку. – Что здесь у вас?

– Пустяки, жить буду, – через силу улыбнулся Тохтаров и посмотрел в сторону двери. – С кем это вы?

Отец Василий судорожно принялся вспоминать новую фамилию Коробейника, но в голову ничего не приходило – фамилия начисто вылетела из головы. Санька был и оставался для него просто Санькой Коробейником, самым надежным боевым товарищем на свете.

– Задержанный Чукалин, – представился майору Коробейник. – Что тут у вас? Помочь?

– Пустяки, – уже спокойнее улыбнулся Тохтаров. – Кишки целы и ладно.

– У вас ребро сломано, – покачал головой священник.

– В живых бы до утра остаться, – покачал головой Тохтаров. – Они всех моих конвойных порезали. Один только Пшенкин живой и остался, закрылся у себя в комнате, даже меня не пустил, гнида!

Отец Василий припомнил свое короткое общение со старшим лейтенантом, еще тогда, и кивнул. Точно, помещение, в котором Пшенкин его допрашивал, изнутри закрывалось.

Топот в коридоре усилился, и вскоре загрохотали железные запоры, и там, за дверью, снова начали кричать:

– Мочи их! А-а, сука! Сюда его тащи!!! Держи, тварь!

– Ты ведь знаешь, что там происходит? – спросил отец Василий Саньку.

Коробейник отрицательно покачал головой.

– Я только знаю, что они что-то готовили, – сказал он, косясь в сторону Тохтарова. – Кто-то с кем-то что-то не поделил.

– Похоже, я знаю, – застонав, сел поудобнее майор. – Там ковалевские прихвостни с остальными схватились.

– И что теперь? – развернулся к нему отец Василий. Он уже все понял. Ковалев чужими руками «балласт» убирает – тех, кто под него не пошел. По крайней мере более разумного объяснения у него не было. Но что из этого последует, священник просчитать не мог.

– Не знаю, – покачал головой Тохтаров. – Но если Ковалева не снимут, я даже не представляю, что будет.

* * *

Они просидели так часа полтора. Некоторое время в коридоре еще кричали – истошно, внадрыв, но потом крики стихли, и по коридору начали беспрерывно бегать, явно таская волоком что-то тяжелое.

– Трупы выносят, – прокомментировал Санька.

Тохтаров молчал. Служебное положение не позволяло ему распространяться на этот счет с арестантом, но, глядя майору в лицо, отец Василий видел – так плохо Марату Ибрагимовичу никогда не было, и совсем не из-за физической боли.

Затем снова поднялся стук, и Санька побледнел.

– В нашу камеру ломаются, – слотнул он. – Ну, там, где я сидеть сейчас должен.

– Они что, не все камеры открыли? – удивился отец Василий.

– Не все, – кивнул Тохтаров и хлопнул себя по карману брюк. В кармане гроыхнуло. – Я от четырех камер ключи перехватил.

– Значит, человек тридцать наших еще живы, – дрогнувшим голосом сказал Санька. Отец Василий поморщился, ему было больно услышать это «наши» от Коробейника.

Затем снова стихло, и снова по коридору затопали, и снова стихло. Несколько раз ломились и в столовую, но открыть наглухо заваренную дверь снаружи было невозможно. А потом они слышали звуки подъехавших машин.

– Внимание! – гроыхнуло, как в трубе. – Граждане задержанные! Всем выходить с поднятыми руками! Здание оцеплено! Соппротивление бесполезно!

– Поздновато ты подъехал, дорогой Павел Александрович, – поморщился Тохтаров. – Поздновато.

– Не понял, – подошел к окну отец Василий. – Они что, их на испуг решили взять? Ни освещения, ни оцепления, одни громкоговорители, что ли?

Тохтаров сполз с лавки, прохромал к зарешеченному окну и встал рядом со священником.

– А ведь и правда, – задумчиво произнес он. – Никак Ковалев решил своими силами управиться? Во-о дура-ак!

– Он не такой дурак, как вы думаете, Марат Ибрагимович, – отозвался из своего угла даже не встававший Санька. – Если он поддержку из области вызовет, все всплывет. А так, что бы ни произошло, никто ничего не узнает. Как в тайге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.